

Владимир Малыгин

ДОТЯНУТЬ
ДО ГОРИЗОНТА

Владимир Владиславович Малыгин

Дотянуть до горизонта

Серия «Летчик», книга 4

Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67874799

Летчик : Дотянуть до горизонта : роман / Владимир Малыгин: АСТ;

Москва; 2022

ISBN 978-5-17-146081-5

Аннотация

«Будь в моём распоряжении другая земля, я сдвинул бы с места нашу...» – фраза великого сиракузца заставляет задуматься и провести параллель: а вдруг есть в распоряжении она, другая земля, другой слой реальности, другое время... И не сдвинется ли вместе с точкой приложения сил и сама опора? Ведь закон сохранения энергии действует в обе стороны, на оба объекта...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	33
Глава 3	57
Глава 4	78
Глава 5	103
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Владимир Малыгин

Дотянуть до горизонта

© Владимир Малыгин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Иллюстрация на обложке Олега Юдина

* * *

Пролог

Сс-шшихх – сверкает узкой полоской на солнце лезвие шашки, проносится над макушкой, сбивает на землю шапку и заставляет меня присесть на полусогнутых. И сразу же отпрыгнуть назад, на прогретый за день солнцем чёрный камень нависающей надо мной скалы, в жалкой попытке уклониться ещё и от острого кинжала, пляшущего перед глазами. Попытка и впрямь жалкая, и тем не менее уклониться получилось. Замираю на мгновение – весь вес на левой полусогнутой ноге, тело тоже скособоилось в ту же сторону. Пальцы вцепляются мёртвой хваткой в жёсткие пучки травы за спиной в попытке обрести равновесие и хоть какую-то опору...

Снова скалы и сплошной камень вокруг. Я уже видеть эти камни не могу. Надоело за полгода. Скорее бы перебраться на милую сердцу и глазу равнину, где горизонт на все триста шестьдесят градусов ровненький, словно по линейке очерченный. Или хотя бы вон туда, вниз, в долину. Где зеленеют ели и сосны, где вьётся замысловатой узкой ниткой невеликая речка и прыгает со склона на склон хорошо различимая отсюда, с гребня, дорога. А здесь, наверху, кроме камня и редкой, чудом застолбившей себе местечко в каменных трещинах жёсткой, словно проволока, травы, ничего.

И снова над головой шорох летящего лезвия. словно юркая рыбка в воде играет над головой клинок, пластает ломтя-

ми густой воздух Карпат. И отступать уже некуда. Если только кувыркнуться в сторону, что я и делаю, предварительно каким-то чудом умудрившись отмахнуться рукой от подлетающей сбоку камы...

Кувыркаюсь, отпрыгиваю ещё дальше, разворачиваюсь в воздухе навстречу противнику и... Наталкиваюсь на добродушную улыбку...

Улыбка на усатом, заросшем густой чёрной бородой лице больше похожа на оскал. Но это добрый оскал, после которого можно выдохнуть и расслабиться.

Расплата за расслабление следует сразу же. Клинок больно и обидно шлёпает плоской стороной по бедру... А кинжал-кама с сухим щелчком скрывается в ножнах...

Всё, вот теперь точно конец тренировке. Подбираю вылетевшую из рук дрянную сабельку, иду к бивуаку, присаживаюсь на свой же кафтан. Сейчас бы упасть навзничь, вытянуться, да нельзя, не поймут такой слабости мои новые знакомые. Ребята вокруг суровые, к физическим нагрузкам и лишениям сызмальства привыкшие, поэтому ни в коем случае нельзя мне «терять лицо». Потому-то просто прикрываю глаза...

Глава 1

Эх, и занесла же меня нелёгкая! И наладилось вроде всё уже – здоровье восстановилось, переломы срослись, война, самое главное, закончилась, и нате вам! Какого чёрта (тьфу-тьфу через левое плечо) понесло нас на западные склоны Карпат? Как будто на нашей стороне деду заработка не хватало...

После той знаменательной встречи с моим давним товарищем Андреем Вознесенским прошло почти два с лишним месяца. Сколько дней было в этом самом лишнем, одному богу известно, потому что я счёт дням давно потерял. Да и для чего мне было эти дни считать? Правильно, не для чего! Живу себе потихоньку в горах с самого начала весны, травки разные пью, что мне дед заваривает, помогаю ему по мере сил и возможностей, а возможности эти и силы с каждым прожитым днём всё лучше становятся. По горам словно молодой начал прыгать, со склона на склон почти без передышки забираюсь. Короткие остановки не в счёт. Ну и по мере своего разума перенимаю кое-что у деда из его навыков по травничеству. Зачем? А не знаю. Просто чтобы было. Мало ли когда пригодиться может? Чему-то более основательному он меня не учит, якобы способностей у меня нет. Но я так понимаю, хитрит старый. То ли секреты на сторону (оставаться-то я тут, в горах, не намерен) передавать не

хочет, то ли ещё чего опасается. Ну, это его дело, а моё – восстановиться после неудачного падения со скалы в самом конце этой зимы...

Вляпались мы тогда знатно. То ли предал нас кто-то в штабе армии или в Ставке – продал немцам, а может, просто кто-то важный и принимающий решения чего-то не подумал, или, в конце концов, сработало обычное наше головотяпство, но вылетел я на воздушную разведку вместо трофейного «Альбатроса» на нашем «Муромце» и знатно влип! Заклевали нас немцы с австрийцами, навалились со всех сторон, невзирая на собственные потери. Не помогли нам наши пулемёты, не спасло лёгкое бронирование кабины. Хотя тут я зря поклёп возвожу – бронированию стоит отдать должное. Если бы не оно, я бы сейчас по горам не прыгал, а лежал бы где-нибудь на горном склоне вместе со всем своим экипажем среди догнивающих обломков нашего славного самолёта...

Но сбить нас всё-таки сбили. Правда, мне удалось умудриться посадить израненную машину на горный пологий склон. Только рано мы обрадовались. Потому как дальше удача повернулась к нам своей обратной стороной. И это точно не та часть тела, что зовётся спиной...

После приземления или приснежения, так как садились мы на снег, налетели правыми колёсами на спрятавшийся под настом камень, заломили стойку со всеми вытекающими. Удар, грохот и скрежет, разворот, переворот через крыло. Повезло, что моторы уже не работали, так что отделались

просто испугом. Шишки и сотрясение после такого фееричного кульбита я даже в расчёт не беру. Хотя после воздушного боя со всеми его перипетиями этой аварией нас уже не испугать было. Или просто не успели испугаться, слишком уж быстро всё произошло. Посадка, удар, треск, переворот с разворотом вниз по горному склону и полная тишина. Ну, с тишиной-то я поспешил. Потому как немецкие пилоты даже после аварии нас не отпустили. Постреляли по обломкам «Муромца» сверху, покружились над нами, убедились в отсутствии признаков жизни на поляне и только тогда улетели. Ненадолго, как чуть позже оказалось. Ну и мы начали выбираться из спасшей нас в очередной раз бронированной капсулы кабины...

Но не всем из нас удалось спастись в этом бою. Погиб наш новый стрелок, ранен был в очередной раз Маяковский. Ну и побились немножко при аварийной посадке, не без этого. По крайней мере, лёгкое сотрясение себе заработали и инженер, и штурман. Мы с Семёном, как самые опытные или везучие, отделались слабыми ушибами.

Понимали прекрасно, что улетевшие самолёты противника скоро вернутся, и постарались воспользоваться по полной этим кратким моментом затишья. Поднялись чуть вверх по склону, в перепаханной обломками земле выкопали могилу и похоронили нашего товарища. Крест поставили. Попрощались, как положено, а я для себя отметку на карте сделал. Потом перешлю родным эти координаты. Если выберемся,

само собой.

Уходить от горящего самолёта пришлось в быстром темпе. Из обломков на скорую руку соорудили простенькие волокуши, загрузили неходячих и двинулись вдоль распадка. Судя по настойчивости, противник нас в покое не оставит.

То, что на земле нас немцы в покое не оставят, я был уверен. Ну и с воздуха преследование никто не отменял. Как и предсказывал, вскоре вернулись аэропланы противника и начали буквально «по вершинам сосен» ходить. А у нас волокуши. И с ними особо под деревьями не спрячешься. Нашли быстро. И навели на наш след погоню.

Короче, вцепились немцы в нас крепко.

А у нас из полностью боеспособных членов экипажа остались только ваш покорный слуга да Семён, остальные глаза в кучку собрать не могли. Хорошо хоть на своих ногах передвигались. С трудом, правда, передвигались, но и то хорошо в подобных условиях.

Пришлось мне принимать бой. Как менее пострадавшему и самому целому из экипажа. Про опыт я уже ничего не говорю, это и так понятно. Семёну приказал уходить и выводить людей. Кроме него никто бы не смог этого сделать.

А если уж совсем быть откровенным с самим собой, то я прекрасно отдавал себе отчёт в том, кто именно из нашего экипажа нужен немцам, за кем они так настойчиво рвутся. Останется в прикрытии Семён, и погоня всё равно продолжится. А если я, то мои товарищи смогут уйти...

Выбрал подходящее для встречной засады место, оборудовал основную и запасные позиции, наметил пути отхода... И понеслось. И ведь отбился и почти ушёл, оторвался. Если бы не это падение со скалы... Снег подвёл... Но и здесь судьба сумела удивить. Низкий поклон деду-мольфару за спасение моей беспамятной и изломанной тушки. Повезло мне, что на той скале был узкий карниз. Вот на этот карниз я и упал. Как раз перед входом в небольшую пещерку, где в это время на моё счастье отшельничал старый местный колдун.

А дальше, со слов деда, затащил он меня в узкую каменную норку, симитировал чуть в стороне небольшой обвал и затихарился, вход камнями заложил, старой грязной шкурой завесил, занялся моими ранами и переломами. Так и провозился тихонько в пещере со мной, пока наверху и внизу у подножия скалы шли поиски. Искали меня, правду сказать, спустя рукава. Даже каменный обвал не стали разбирать. Удостоверились, что внизу никаких следов не было, и ушли.

Как рассказал мне чуть позже дед, для него лучше было в тот момент заняться спасением моей бессознательной тушки и сохранить в тайне от всех это место, чем столкнуться в итоге с разъярённой толпой на скальном карнизе, которая неизвестно ещё как себя поведёт... И зябко повёл при этих словах плечами. Короче, выбрал из двух зол меньшее...

А потом дед основательно занялся моим лечением и в результате поставил-таки на ноги. Вот только с памятью у ме-

ня после падения были проблемы. Не помнил я ничего. Но знахарь уверял, что память вернётся. И она вернулась...

Вернула мне её как раз встреча с моим давним товарищем. И вспомнил я, как погиб в своём родном мире, как каким-то чудом оказался здесь, в этой действительности и в этом чужом теле. Теле поручика-авиатора. Как пришлось срочно перекраивать своё восприятие этой действительности и вращаться в местное общество. Врос, деться-то мне некуда было. Ну и продолжил летать, само собой. Дело знакомое, любимое. Прежние навыки, как и знания с опытом, никуда не делись. Воспользовался ими, как сумел. И кое-чего добился. Оставаться в стороне от грядущих событий и потрясений для своей страны и жить в своё удовольствие, пользуясь этими самыми знаниями, не смог. Хотя, честно сказать, в самом начале присутствовала подобная мыслишка...

А тут и её величество Судьба сыграла на моей стороне – преподнесла мне шанс подняться повыше, свела с главным инспектором Адмиралтейства генералом Остроумовым. Дальше – больше. Командировка в качестве личного пилота инспектора в Ревель, представление командующему адмиралу Эссену. Воспользовался предоставленным мне шансом на полную катушку. Не растерялся. До Первой мировой-то всего ничего оставалось...

Потом столица... Удалось познакомиться с Сикорским, воспользоваться своими знаниями и удивить конструктора. Ну и показать-подсказать кое-что. Дальше – больше. Пре-

красно оценивая свои скромные возможности простого поручика-авиатора и понимая всю сложность своего реального положения, к царю на приём не рвался. Знанием будущего не размахивал направо и налево, никто бы всё равно в подобное не поверил.

В лучшем случае просто похихикали бы в спину и закрыли передо мной вообще все общественные и административные двери, а в худшем же... В худшем упрятали бы в какой-нибудь сумасшедший дом.

По здравом размышлении пошёл другим путём. Получилось ли это у меня? Не знаю. Да и никто не знает. Короче, просто хорошо делал свою работу. Благодаря этому выбился из общей массы, показал себя, завёл необходимые знакомства, кое-чего, как мне кажется, добился... А там уж и рассказал о надвигающейся катастрофе...

Вынырнул из воспоминаний, приподнял голову, огляделся. Ну и прислушался, само собой. Даже, скорее, первым делом прислушался и только потом поднял голову. Никого вокруг, это хорошо. Тишина...

Расстались мы с дедом сегодня утром. Закончились наши с ним совместные похождения. Может быть, зря расстались, но это было не моё решение. Я бы ещё с ним походил, очень уж интересным был новый опыт, новые для меня навыки. Нет, летать, само собой, здорово, лучше этого ничего на свете нет, но и овладеть теми знаниями, что имел знахарь, тоже очень хотелось. Но не срослось. Отказался дальше учить ме-

ня травничеству старый. Выставил вон после утреннего разговора по душам. Потому что мне это, мол, уже не нужно. Не моё это, по его собственным словам – травы собирать да по горам бродить. И не пригодится мне это всё в моей дальнейшей жизни. Того, что я успел у него ухватить, вполне хватит. Пора мне возвращаться на свой путь, именно мне предназначенный. Кем?

А вот тут дед ничего не ответил, как всегда сделал вид, что внезапно поплохело у него со слухом. Настаивать на ответе не стал, из опыта уже знал, что это бесполезный номер. И что у меня за путь, куда он ведёт – все последующие вопросы также остались без ответа. Зато стоило мне только успокоиться и перестать наседавать на деда с вопросами, как разговор, а скорее, монолог знахаря тут же продолжился. Ну и понятно уже, чем это продолжение закончилось. Моим теперешним одиночеством и самостоятельным «плаванием» по пересечённой местности. Теперь хочешь не хочешь, а придётся выполнять наказ колдуна и возвращаться в «цивилизацию». А так не хочется. Так что перебираю по склону ногами, а сам утренний разговор вспоминаю. И дедовы недосказанные откровения...

Поверил я ему сразу. Потому что успел за время нашего знакомства убедиться – всё, что дед говорит, имеет свойство сбываться. Не раз лично в этом убеждался. На чужом, правда, примере убеждался, но это-то как раз и хорошо, что на чужом. Зачем рисковать собственной шкурой, когда есть чу-

жая? То-то и оно...

Теперь вот сижу, голову ломаю, каким образом мне лучше всего отсюда выбираться? В наших совместных скитаниях, а скорее, в дедовых (потому как от моего желания наш маршрут ну никак не зависел), забрались мы довольно-таки далеко от первоначального места нашей встречи. Или, что вернее будет, места нахождения знахарем моей многострадальной изломанной тушки. И сижу я сейчас не на территории Российской империи, а на земле австрийской, чужой и враждебной мне по определению.

Чтобы вернуться к своим, мне необходимо снова пройти через Карпатские горы. На восток, в обратную сторону. Сейчас же я нахожусь на западе, в их европейской части. Как раз в предгорьях. И нет у меня никакого желания возвращаться пешком и заново повторять недавно пройденный путь, слишком уж это тяжело. Даже для меня, практически полностью восстановившего своё здоровье. Почему почти? А дед сказал, что подобные переломы для организма просто так не проходят и всё равно до конца не лечатся. И периодически будут докучать мне ноющими болями. Особенно на погоду. Ну и в старости, само собой... Впрочем, до старости ещё дожить нужно. Но тут дед меня и обрадовал. Доживу! Если сам где-нибудь по собственной глупости не загнусь. Как в прошлый раз. Потому как вовсе не обязательно было тогда в пропасть сигать. А то, что это у меня совершенно случайно получилось, так это деда совершенно не интересовало и

в качестве моего оправдания в расчёт не принималось. Даже как бы наоборот. Дед так и сказал: «Говорю же, от собственной дури поломался да побился! Кто тебе мешал за гребень заглянуть, прежде чем через него переваливаться? А? То-то...»

И все мои жалкие оправдания ничего не стоили...

Ладно, пустое всё. Главное, я жив и почти здоров, могу стоять на своих собственных ногах, и не только стоять, руки и голова целые. И память вернулась. Полностью или нет, не знаю, но, как мне кажется, вспомнил я всё. Ну и переосмыслил по мере воспоминаний всю свою жизнь в этом времени. Только окончательное решение по дальнейшим планам на жизнь пока не принял. Оставил это на потом. Вот вернусь, осмотрюсь, а там и определюсь окончательно и с планами, и со своей дальнейшей жизнью. Потому как есть что-то в моих воспоминаниях непонятное, тревожащее меня по ночам. Утром просыпаюсь, а вспомнить всё то, что заставляло во сне волноваться, не мог. Долго после такого не мог заснуть – лежал, успокаивал разошедшееся сердце и всё пытался пробиться через дымку грёз. И ничего из этих попыток не получалось. Потому-то и не уверен я до конца, что вспомнил всё. И по этой же причине немного страшно возвращаться назад... Но нужно.

Эх, как идти-то по этим горам не хочется. Самолёт угнать, что ли, как в прошлый раз? Вот где тоже некое опасение присутствует... Смогу ли, как прежде, в воздухе себя воль-

ной птицей чувствовать, или страх вновь поломаться к земле придавит?

Но за самолётом нужно на равнину спускаться, уходить ещё дальше на запад. А там... Вот что там сейчас происходит, я как раз и не знаю. Да и знать пока не желаю. И спускаться сейчас вниз, это значит ещё больше удлинить обратный маршрут. Поэтому как бы мне ни надоело горным козлом вверх-вниз по горам скакать, а идти нужно всё-таки на восток.

И хватит время тянуть, пора отправляться в путь.

И я зашагал вверх по пологому склону навстречу солнцу. А потом вниз с противоположного склона, выбирая удобную для спуска звериную тропу. Это сейчас ещё хорошо, а дальше труднее станет, настоящие горы начнутся. И шагал так до вечера с редкими перерывами на отдых и еду. Кое-какой запас твёрдого, словно камень, сыра и таких же по состоянию лепёшек у меня был. Заночевал в лесу, в долине. А что? Пока ещё лето, тепло. А ночевать под открытым небом я за это время привык. Дождя же нет? Нет. Да и если бы был, то ничего страшного. Можно и просто так под открытым небом ночевать, а можно и под еловую крону спрятаться, плащом укрыться. Плащ у меня знатный. Шерстяной, хороший, почти непромокаемый. Зато, когда промокнет, становится тяжёлым и неподъёмным. Так что лучше уж под какой-нибудь кроной спрятаться на всякий непредвиденный случай.

А на следующий день мне «повезло». Поймали меня. Сца-

пали. Перехватили на переходе в очередной долине. Как раз в тот момент, когда я с пологого склона к речке напиться спустился. Воистину, лучше бы я с горы не спускался. Всё зло внизу...

Испугаться я сильно не испугался. Хотели бы убить, убили бы сразу, потому как нравы здесь простые. Тем более война только-только отгремела. Даже ещё и не закончилась вроде бы как. Так, мир-перемирие временное. Да и то лишь с германцами. Австрия пока просто притихла. Замерла, на союзника оглядывается, как я понимаю, и...

Наверняка опасается повторения немецкой революции у себя... Да, в Германии же революция произошла! Я и забыл об этом! Потому-то и не до войны сейчас немцам, солдаты из окопов домой бегут...

Турция же... А вот турки пока всю саблями машут. Всё не уймутся никак, горячие южные парни. Но это всё я знаю по тем скромным слухам, что до нас с дедом доходили, да и то неточно. А что в мире на самом деле происходит, мы и не знали. Деду всё равно, а мне же... Нет, не то чтобы не интересно, но... Даже не знаю, как и объяснить-то... Я как будто жить начал только с того момента, как в пещере очнулся. А когда память вернулась, то... Да я все эти всплывшие воспоминания воспринимал... Как кино, что ли... Да – было, да – интересно, но это всё уже прошло и словно бы не со мной и случилось. А сейчас жизнь начинаю с чистого листа, и все мои воспоминания пусть никуда и не делись, но оста-

лись где-то позади, словно в каком-то тумане спрятались...

Так вот, как я попался-то...

Иду я, значит, себе тихонько, к воде подбираюсь. Ну и по сторонам поглядываю и, само собой, прислушиваюсь. Хотя какое тут «прислушиваюсь» — чуть в стороне речка многочисленными перекатами грохочет. Не шибко-то много и услышишь в таком грохоте. Оттого я и проворонил приближение всадников и стук копыт не засёк. И насчёт поглядывания по сторонам приврал. Как только вода перед глазами заблестела, так и забыл я обо всём окружающем. Ну а потом и удирать было поздно. Потому как уже понятно стало, что крепко вляпался. Нет, в кусты-то я само собой метнулся, да разве на равнине от всадников убежишь? Что мои две ноги против четырёх лошадиных? А до спасительного леса чуть выше по склону далековато было. Так что можно было и не дёргаться. Пеший конному не соперник.

Вот и мой отчаянный рывок не явился исключением. Настигли меня сразу же — на плечи верёвка упала, руки к туловищу притянула, назад дёрнула, прямо об землю спиной и приложила. Весь дух из меня и вышибло. Хорошо хоть кусты с травой падение несколько смягчили. А про выбитый дух это я для красного словца сказал. А как иначе-то? Не хорохориться же перед моими пленителями? Я ещё и закашлялся, заперхал, сделал вид, что отдышаться не могу. А сам в это время быстро ситуацию прокачиваю. А что её прокачивать-то? Вот как только верёвка прилетела, плечи стянула,

так и осознал всё. Кто ещё подобным образом может людей ловить? Свои меня повязали. Казаки это. Снова я в их цепкие руки попал.

Вздёрнули меня на ноги, окружили, слова в собственную защиту сказать не дали, хорошо хоть кулак в зубы не сунули.

– Зачем бежал? Почему бежал? – в гортанном голосе отчётливо слышались знакомые акценты и почти не сдерживаемый смех. Ну и довольство от удачной поимки такого невезучего меня. А ответа от меня никто и не ждал, зато содержимое моего тощего мешочка сразу на траву вытряхнули.

Ошибся я. И не казаки это вовсе, а кавказцы. Наслышан. Дикая дивизия...

Недолго у речки смех раздавался. Вот как только тряпицу с моими орденами и погонами на траву из мешка вытряхнули да развернули, так тут же смешки и обрезало. Посуrowел народец-то сразу. Как только сразу за мародёрство не прибили? Кто их знает, какие мысли при подобной находке могли в эти заросшие буйным волосом головы прийти? Хорошо хоть готов был к подобному исходу, сразу же представился, попытался объяснить и погоны эти, и награды, и свой внешний вид. Теперь-то меня очень внимательно слушали. И не смеялся уже никто. Поверить сразу не поверили, само собой, но и не пристрелили сгоряча. И то хлеб.

Пленником я пробыл недолго. Доставили моё пленённое тело к своему начальству, там в первом приближении и разобрались. Ну и что, что документов у меня нет? Зато исто-

рия у меня занимательная и, самое главное, правдивая. Для меня правдивая, само собой разумеется. Но я ведь так убедительно рассказывал... Ещё одним доказательством послужили многочисленные свежие шрамы. А ордена и погоны к этому моменту уже и так были выложены на всеобщее обозрение. От собственных малочисленных вещей меня же в первую очередь избавили...

Конечно, пришлось многое доказывать и рассказывать, подкреплять именами и фамилиями свои ответы. Одно только упоминание о личном знакомстве с великим князем Михаилом Александровичем многого стоило. Вроде бы как поверили. Но и не отпустили. Потому что предложили пока (до окончательного выяснения личности и появления у меня в мешке российских погон и наград) остаться в гостях. А я и не возражал (попробовал бы возразить). Надоело самостоятельно по этим горам бродить, о пропитании заботиться, лихих людишек опасаться. А их, таких людишек, после окончания боевых действий вокруг развелось что-то ну очень уж много. Так и норовят при встрече обобратить одинокого путника. А у меня и оружия никакого не имеется. Палка-посох не в счёт. Своё-то родное огнестрельное при том падении со скалы утеряно...

Наткнулся я... Или это на меня наткнулись... Короче, не столь важно. Главное, что к своим попал. Так вот, встретился я в той долине с конной разведкой. Хоть и прекратились вроде бы как боевые действия, но войну-то пока никто не от-

менял. Официально перемирия пока ещё не заключили. Тянут и тянут. Чего тянут, непонятно. Хотя, если в Германии революция, то тамошнему правительству сейчас не до того. Ему бы ситуацию в своей стране под контролем удержать...

А в предгорьях австрийцы частенько пошаливают, местных грабят на предмет добычи продовольствия, приходится русскому командованию вот такие рейды по округе посылать. Вроде бы как и за порядком присматривают, а заодно и по сторонам поглядывают. Вроде бы как теперь и Карпаты нашими стали...

А потом пара ночёвок в горах (чтоб им пусто было) в новой компании, рассказы о своих полётах, о боевых действиях, в которых довелось поучаствовать, особенно о Босфоре, сделали меня почти своим в этой среде. Ну и чтобы перестали подтрунивать над моей неловкостью, пришлось запросить несколько уроков по верховой езде. А там мне это дело понравилось, и уроки продолжились. И не только с лошадаками продолжились, попросил научить хоть немного шашкой владеть. В училище-то учили, но это и давно было, и не со мной. Прежний хозяин этого тела мне подобных умений почему-то не передал...

Через несколько дней разведка вместе со мной вернулась на точку сбора, отряд собрался в кулак и повернул назад, а ещё через полторы недели я предстал перед командованием сначала полка, потом бригады, а затем и дивизии. И с каждым разом всё проще и проще было пересказывать историю

своих походов. Натренировался языком молотить...

Чем выше по начальству, так сказать, «поднимался», тем было легче. Меня наконец-то узнали (в кой-то раз спасибо газетчикам), и доказывать почти ничего не потребовалось. Но рассказать всё о своих приключениях, конечно, пришлось. В который уже раз...

Свою местную шапку поменял на папаху, истёртый кафтан-кожушок – на черкеску. Погоны достал свои, начал было пришивать (ординарца-то у меня нет), да тут меня и остановили. Принесли новые. Их и пришил. Вызвал тем самым удивление окружающих. Сначала народ косился, ухмылялся в усы и бороды, ждал моего позора по владению ниткой и иголкой, да не дождался. Очередной плюстик мне в карму.

Ну и награды на законное место вернул. Не всё же их в тряпице да в мешке носить? Не для того их вручали...

Кинжала с шашкой вот только не дали. В таком виде я и предстал перед светлые очи великого князя...

И выхлопотал (благодаря личному знакомству) законное основание на какое-то время задержаться в дивизии, в том самом уже знакомом полку. С обязательным условием наладить в дивизии воздушную разведку. Само собой, согласился. А почему бы и не согласиться? Ну, во-первых, самолётов у князя нет от слова «вообще». Даже трофейных нет. И родной венценосный братец Николай Александрович с авиатехникой никак не помог... А во-вторых, и это самое главное, появляется возможность спокойно вписаться в проис-

ходящие сейчас в стране события, ознакомиться с текущей обстановкой и оглядеться. Потому как некое опасение у меня всё-таки присутствует – подобные удары и травмы головы так просто не проходят (приёмы сабельного боя я же забыл?). А вдруг в самый неподходящий момент что-то эдакое непонятное и всплывёт. Так что лучше пусть всплывает здесь, на фронте, подальше от столицы... А самолёт мы князю найдём, есть у меня кое-какой личный опыт и намётки на будущее...

И наконец, самое для меня важное, это возможность проверить себя в воздухе. Получится ли у меня отбросить прочь страхи?

С радушным гостеприимством разведчиков пришлось расстаться. Ну не моё это – всё время по горам скакать! Говорю же, видеть эти скалы больше не могу! Правда, в последнее время моя нелюбовь к Карпатам несколько поутихла. Сказалась, очевидно, новая перемена в судьбе. Да и обстановка тому явно поспособствовала.

Но уроки мои продолжились в полку, и учителей у меня было достаточно. Удивляло при этом отношение ко мне личного состава. Никто и внимания не обращал на мои полковничьи погоны. Нет, не так сказал. Обращать-то обращали, Устав к этому обязывал, но вот такого преклонения перед их золотым блеском, как в войсках, не было. Здесь уважали за конкретные дела, за личную храбрость. И мои Георгиевские кресты в этом отношении пришлись как нельзя к месту. А

дела мои столичные газеты не так давно во всех подробностях расписывали...

Несмотря на якобы перемирие, войска никто с позиций не снимал. Хотя среди штабных прошёл лёгкий слухок, что вскоре передислоцируется дивизия на юг, поможет сербам. Это у нас тут тишь да гладь, а у братьев-славян войнушка продолжается. Поэтому вскорости предстоит дивизии исполнить союзнические обязательства. А там, глядишь, и до Босфора вместе с ними дойдём. Я к этим слухам относился спокойно. Как-то всё равно мне было. С головой окунулся в новую непривычную для меня жизнь, в простые человеческие отношения, где слово «честь» является не формой и не пустым звуком. Короче, понравилось мне в дивизии...

А там разведка подсуетилась и получила оперативные сведения про расположенный на равнине в нескольких днях пути от нас австрийский аэродром, да и подговорили меня наведаться к ним в гости. Ну и выбрали самые тёмные ночи для неожиданного визита. Само собой, действовали с полного одобрения старшин и командиров. И старейшин. Правда, обязательным условием было сработать скрытно и ни в коем случае не попадаться в руки противнику... Ну и командиру бригады наряду с великим князем пока решили не докладывать ничего. Получится у нас – будем «на коне». Ну а если нет... На нет, как говорится, «и суда нет»...

Последнее условие заставило разведчиков по понятным причинам поморщиться. Горцы же, джигиты... Такого слова

«нет» для них не существует.

Время для похода в гости подобрали с таким расчётом, чтобы в конечной точке маршрута до рассвета оставалось не больше пары часов. И караул на австрийском аэродроме к утру устанет, расслабится, и мне всё-таки будет легче садиться в распоряжении бригады по светлому времени...

Ну и пошли себе с Богом, потихоньку пробираясь мимо противника. Чем глубже забирались в австрийский тыл, тем становилось проще выбирать дорогу. Шли в основном по ночам. Днём отлёживались. Так и дошли.

Дальше ещё проще было. Воспользовались расслабленностью австрийцев, почти свободно въехали в город. Почти, это потому что всё-таки пришлось обходить рогатки на въезде. Впрочем, службу на блокпосте австрийцы несли не то чтобы спустя рукава, но и недостаточно бдительно. Скорее, просто отдавали дань этой службе. Война-то по сути почти закончилась, активные боевые действия в ближайших окрестностях никто уже давно не ведёт.

Так что пост на въезде мы просто обошли. Да здесь на ночных городских улицах даже патрулей никаких не было! Единственное, дальше окраины не сунулись – нечего наглеть и «дразнить гусей». Да и не нужно нам было дальше. Аэродром-то вот он, как раз на окраине и располагается.

Выглянувшая так своевременно из-за облаков луна хорошо подсветила знакомые брезентовые ангары и выдала нам немногочисленную бодрствующую охрану.

Караульные у полосатого шлагбаума даже не успели ничего понять, как их уже повязали и в быстром темпе опросили. А больше никого из несущих службу на поле и не было. Резать никого не стали, связали крепко да так и оставили у шлагбаума. Ночи пока ещё тёплые, не замёрзнут. На всякий случай подпёрли подвернувшейся под руку железкой входную дверь в караульное помещение, пробежались вдоль ангаров, заглянули в каждый из них, осмотрели содержимое. Остановился в конечном итоге на уже знакомой мне по прошлому разу технике.

Сдвинули в стороны брезентовые шторы входа, на руках выкатили биплан на улицу, проверили наличие топлива. На всякий случай загрузил в кабину стрелка ещё несколько жестянок с бензином и маслом.

Интересно, это не одна ли из тех машин, которые нас тогда в воздухе, а потом и в горах гоняли? Сжечь тут всё, что ли? Жаль, что весь лётный состав в городе квартирует, а то бы я отсюда просто так не ушёл. Да и от намерения пустить «красного петуха» австрийцам меня казаки с трудом отговорили-удержали. Ну да. Я-то сейчас улечу, а им-то потом отсюда на своих выбирать...

Запустился, прогрел мотор, вырулил на полосу. Рулил почти на ощупь – луна как назло снова спряталась за облака. Хорошо хоть успел осмотреться и запомнить расположение накатанных рулёжек и полосы для взлёта.

Так в полной темноте и взлетел. И никто мне не поме-

шал. Успел краем глаза заметить какую-то суету возле караульного помещения и вспышки выстрелов. Самих выстрелов, правда, не слышал, рёв мотора все звуки забивал. Ничего, вернусь скоро, ждите...

После взлёта перевёл самолёт в резкий набор высоты. Потому как темно, ничего не видно и опаска понятная присутствует. Мало ли какое дерево на пути может оказаться или крыша чья-то? Или ещё что...

Подпрыгнул на несколько десятков метров вверх и на такой высоте начал разгоняться. Ну и развернулся в нужную мне сторону. Осмотрелся сверху – тишина в городе. Какого-либо видимого переполоха в этой темноте внизу не наблюдаю, новых огней не загорается, никто с фонарями по улицам не бегают.

Через пару минут город остался далеко позади – можно набирать высоту...

Даже не ожидал, что настолько просто получится угнать самолёт. Что-то совсем местные вояки расслабились. И за горцев как-то совершенно не беспокоился. Был уверен, что спокойно уйдут. А что у караулки кто-то пострелял, так это наверняка со страху местные в белый свет и палили...

И только сейчас сообразил: я же со всей этой нервотрёпкой по угону вражеской техники совсем забыл о своих страхах! Сособразил и заорал от восторга! Лечу! Плечи пошире развёл, на сиденье выпрямился, голову над козырьком высунул. И тут же захлебнулся холодным воздухом, рот быст-

ренько захлопнул – щёки под напором воздуха чуть было по старым швам не треснули. Тут же вниз нырнул, козырьком прикрылся, выдохнул. Больше так не подставлялся, но восторг не унялся. Я! Буду! Летать!

Высоко забираться не стал, тысячи метров вполне достаточно. Да и холодно на высоте. Одежда у меня для полётов малоподходящая, продувается насквозь. Весь восторг из меня быстренько выдуло.

Поэтому спрятался в кабине поглубже, сполз вниз на сиденье, одна только макушка из проёма высовывается. Шлема-то тоже не имеется... Эх, и почему я не сообразил сразу в том ангаре насчёт лётного обмундирования пошариться?

Периодически высовываюсь, головой по сторонам кручу, быстро светлеющее небо оглядываю. Мало ли кому из австрийского командования на том самом аэродроме придёт в голову умная мысль за мной погоню отправить в жалкой попытке вернуть назад собственную технику? Не один же я умею по ночам летать? На фоне стремительно бледнеющего неба мой новый самолёт сейчас прекрасно своим силуэтом виден. Да и сам восход солнца уже на подходе, восток всю розовыми красками размалевался.

Так что головой по сторонам кручу, на проявившиеся в рассветном сумраке приборы поглядываю, визуальную ориентировку вроде бы как веду, знакомые места по сторонам высматриваю. Карту-то перед выходом пришлось хорошо изучить. Ну и мысли разные заодно думаю. Радует, что по-

лучилось у меня взлететь, что страха перед высотой нет, да и само управление самолётом никаких трудностей не составило. Имелись у меня по этому вопросу кое-какие сомнения после потери памяти да поломанных рук-ног. Мало ли моторика мускулов другая стала в конце-то концов, вдруг забыл, как это управлять самолётом?

Так что на авантюру я согласился в большей мере именно по этой причине – проверить в первую очередь самого себя, свои собственные навыки, убедиться в том, что они у меня полностью сохранились. Помнят руки-то, помнят! А за разведчиков я не беспокоюсь. Уйдут они спокойно. И от преследования, если оно, конечно, будет, и вообще уйдут.

Как только более или менее рассвело, покрутился немного над лесом, выписал пару горизонтальных виражей, покидал «Альбатрос» из крена в крен, походил «змейкой», выполнил горку и снижение, потренировался, так сказать, восстановил немножко свои профессиональные навыки после длительного перерыва в полётах. Полностью удовлетворился своими действиями и пошёл в сторону расположения дивизии. Будет ещё возможность полетать и потренироваться! Посадочную площадку за это время должны были для меня подготовить. Сам лично для этого подходящее поле подбирал. Ну, про посадочную площадку я, конечно, загнул, но вот от кустов расчистить поле должны были. Почему-то никто не сомневался в благополучном исходе нашей авантюры.

До австрийского аэродрома на лошадках скрытно доби-

рались больше трёх дней. Обратно же я долетел за час. Ну, может быть, чуть больше часа. Но ненамного. И садился у своих уже при свете дня. Солнце, правда, ещё взойти не успело, только-только над горами вынырнуло, у самой земли присутствовал туман, но тёмное пятно вытоптанной вытянутым прямоугольником травы на подходе было хорошо видно. Правда, на выравнивании земля пропала, полоса тумана всё в себе спрятала. Но был готов к подобному, поэтому не растерялся. Да и высоту эту зафиксировал сразу же. А дальше опыт и большая практика выручили. Ну и мастерство. Без него никак. Так что сел, можно сказать, легко – землю «пятой» точкой чуял. И что особо порадовало, даже не задумывался с посадкой. Всё делал на автомате. Так что никуда мои навыки с многолетним опытом не делись. И это главное.

После приземления скорость быстро упала. Пришлось на рулении добавлять обороты мотору, разгонять пропеллером приземный туман. Подрулил к краю натоптанного поля, заглушил двигатель, выпрыгнул из кабины. Правда, после того, как приземлился на ноги, испугался. Запоздалый такой испуг – за ноги. А вдруг снова кости хрустнут? Не хрустнули. Но от такого подсознательного страха нужно обязательно избавляться. Даже не ожидал от себя подобного...

А тут и народ служивый опомнился. Набежали, налетели на конях со всех сторон. Вру, не со всех. Со стороны поля никого, само собой, не было. А вот со стороны расположения бригады почти все прибежали. Окружили, сначала на при-

цел взяли, из сёдел прыгнули, руки заламывать собрались. Самолёт-то у меня с крестами на борту, по определению – враг. Но тут же узнали, опознали сначала по форме, а потом и знакомые нашлись – опомнились служивые. Да и начальство не дремало, быстро объявилось на месте посадки и командовать принялось... Начальство оно такое – любит покомандовать...

Глава 2

У самолёта сразу же пришлось выставить охрану. Слишком много набежало желающих посмотреть на пригнанный трофей. Ну, на самом-то деле набежало не так и много, основная масса на своих конях прискакала.

Устроили вокруг самолёта танцы с бубнами. Это образно – вместо бубнов топота копыт хватило. Ну и поскольку этот самолёт имел на себе в виде опознавательных знаков всем ненавистные кресты, то каждый из любопытствующих считал своим долгом в лучшем случае плюнуть на эти самые кресты. Ну а в худшем мог и кинжалом потыкать. Народ простой в своей ненависти ко всему тому, что собой олицетворяет врага...

Поэтому и пришлось после первой же подобной попытки озаботиться охраной. Не всё же мне самолично на страже стоять? Да и не успеваю я за юркими всадниками...

– Весьма своевременно вы вернулись, Сергей Викторович. И трофей ваш сейчас очень кстати придётся, – командир бригады принял мой доклад, покосился на враз присмиривших подчинённых и сразу же приступил к делу: – Можете провести воздушную разведку?

– Сейчас? – выдохнул с облегчением. Да я бы сейчас не только на разведку, я бы ещё разок с той скалы спрыгнул... Лишь бы от этой лошадиной круговерти вокруг самолёта из-

бавиться. Надеюсь, дальше люди попривыкнут к трофею, и станет проще.

– Да. Именно так.

– Так точно, смогу! – прямо камень с души упал. – Дозаправляюсь и можно лететь. А куда именно?

– Да тут рядышком совсем. Недалеко...

Рядышком-то рядышком, да наблюдателя на всякий случай не помешало бы в задней кабине заиметь. Причём не просто наблюдателя, а лучше бы и хорошего стрелка. Пулемёт же не просто так там на турели установлен? Так что без стрелка никуда. О чём тут же командира и уведомил. И тот сразу же на мою просьбу откликнулся. Не стал затягивать с этим делом и распорядился дать мне в подчинение кого потолковее да посметливее из ближайшего окружения – самых любопытных, а значит, и самых пытливых. Ну и с зорким глазом, само собой. На разведку же полетим как-никак! Вот и пригодился трофей для воздушной разведки! И причина как-то очень уж своевременно образовалась. Насторожился, а потом плюнул на свои опасения и успокоился. Не стоит в каждом подобном случае подвох искать. Но ведь на самом деле очень уж подозрительно зашевелились австрийцы именно на нашем участке? Сколько времени спокойно сидели, а стоило только мне тут появиться, как начались подвижки... Совпадение, наверное. Ладно, сейчас слетаем, осмотримся сверху.

Тут же из жестянок бензин в бак перелил, проверил уро-

вень масла, обошёл разок вокруг самолёта. Осмотр предполётный провёл. Вроде бы всё в порядке. Так и доложил командиру. Сначала пассажира-наблюдателя на рабочее место определил, посмотрел-проконтролировал, чтобы пристегнулся правильно и ремни подогнал. Коротко проинструктировал, чтобы ни в коем случае в полёте ремни не растёгивал. Припугнул немного – рассказал несколько подходящих по этому случаю ужастиков. Ну и как пулемётом в полёте пользоваться, само собой, показал, заодно и секторы стрельбы обозначил. На снисходительное уверение разведчика, что я попусту теряю время, и он прекрасно разбирается в этом виде оружия, кивнул и показал на хвостовое оперение самолёта:

– Не сомневаюсь, что разбираетесь. Бывали случаи, когда в горячке боя свой же аппарат и калечили. Надеюсь, у нас с вами до подобного не дойдёт...

Проигнорировал снисходительный ответный взгляд – пусть поглядывает, лишь бы нам хвостовое оперение с крыльями не размолотил, случись в небе с противником столкнуться.

Только после этого на своё шикарное кресло перебрался. Почему шикарное? Моё потому что.

Запустились, прогрели мотор и прямо со стоянки взлетели. Только руками в стороны любопытствующих разогнал да убедился, что по курсу никаких препятствий не имеется. Мало ли что охрана проинструктирована и посторонних на по-

ле не пускает? А вдруг какому-нибудь джигиту придёт в голову умная мысль посостязаться в скорости с разбегающим-ся самолётом? Да и кони-то вон как рёва мотора испугались. Всадники их с трудом удерживают.

Разбег короткий, метров пятьдесят по полю проскакали и оторвались. Лошадки своими копытами ровное доселе поле изрыли-истоптали. На будущее нужно будет как-то исхитриться и ограждать периметр нашего импровизированного аэродрома. Не дело это зубами на разбеге лязгать. А ведь ещё садиться и рулить придётся по этим рытвинам...

Сразу в набор не полез, разогнался сначала. Ну и за щиток спрятался. Ветер-то сразу из ласкового у земли ветерка превратился в воздухе в ревущего зверя. Так и норовит всё тепло из тела выдуть. Нет, нужно будет на будущее обязательно озаботиться лётным комбинезоном и курткой. Ну и шлемом с очками, куда же без них.

Потянул ручку на себя, машина послушно нос задрала. Ну а обороты и так на максимуме, ничего добавлять не нужно. Сразу же плавным разворотом с небольшим креном курс нужный занял. Командир мне линию на карте обозначил, над которой нам пройти нужно будет. Туда и летим.

Высоко забираться не стал, полторы тысячи метров вполне достаточно. Да выше при всём желании не получилось бы. Кучёвка плотная чуть выше нас сплошной белой массой висит.

Перевёл самолёт в горизонтальный полёт, оглянулся на-

зад. Как там пассажир? Сидит, головой по сторонам крутит, руками в борта вцепился. Ну да, первый раз в небо поднялся же, впечатлений – море. И хорошо ещё, что головой крутит, а не поглубже вниз спрятался. Значит, не испугался.

Через полчаса полёта вышли в заданный район, развернулись и пошли по намеченному маршруту. Идём ровненько, в горизонте. Оглянулся ещё раз – пассажир мой так и продолжает головой по сторонам крутить и всматриваться вниз. Заметил, что я обернулся, улыбнулся довольно. Только вот зря он так рот распахнул... Встречный-то поток на высоте холодный и довольно-таки плотный – щёки кавалерийскому разведчику враз барабаном и раздуло. Тот даже подавился, захлебнулся воздухом. Закашлялся и вниз нырнул. Тут же вынырнул, головой затряс, кулаком глаза протёр и большой палец мне показал. Ну и я улыбнулся в ответ. Мне-то проще, мне поток в затылок сейчас дует. А его даже щиток от набегающего ветра не очень спасает. Это ему ещё повезло, что меня послушался и папаху свою с головы снял да на сиденье подложил. Иначе бы её ещё на разбеге мигом за борт сдуло. Интересно, ему там, в тесной кабине, шашка с кинжалом не мешают? И карабин ещё. Ведь категорически отказался с ними расставаться. А приказывать я не стал, понимаю же, что к чему...

Через пятнадцать минут развернулись и пошли в обратную сторону. Вниз поглядываю, отметки на карте ставлю карандашом. На удивление спокойный и безмятежный полёт.

Ни снизу, с земли, нас никто не беспокоит, ни с воздуха. И даже болтанки нет. Ни одного самолёта в обозримом пространстве не наблюдаю. Ошибся я, переборщил со своими опасениями. Но на всякий случай не только вниз внимательно поглядываю, но и за горизонтом слежу...

Ещё через пятнадцать минут прошли нашу первую точку выхода на заданный маршрут и полетели дальше. Вот тут стало тяжелее. И с земли по нам начали помаленьку постреливать. Как определил? А с такой высоты прекрасно видно, что там внизу творится. А там очень уж недовольны нашим появлением, даже можно сказать, что разозлились на наше присутствие в воздухе. Только вот одно настораживает – самолёт-то у нас трофейный, для противника однозначно свой. И стрелять по своим же крестам вроде как должно быть не с руки... Или у них тоже в намалёванных на крыльях знаках никто не разбирается? Да быть того не может! Чтобы ещё больше обезопасить и себя, и самолёт от попаданий, пошёл короткой «змейкой». Выше залезать не стал, там уже нижний край облачности начинается. Так что удалось таким образом избежать пробоин. Но от неприятностей всё равно не уберегло. Потому что ещё минут через двадцать, когда мы вполне удовлетворились увиденным и можно было уже разворачиваться в сторону дома, с запада показалась пара истребителей противника.

Заметил я их почти сразу, ещё на подходе увидел. Потому как хорошо научен прежним горьким опытом, оттого и

расслабляться не стал. И нашим спокойным до этого момента полётом не обольщался, с самого начала ожидал чего-то подобного. Если уж внизу пошли какие-то шевеления непонятные, то не могут эти шевеления остаться без воздушного прикрытия. Только я это прикрытия чуть раньше ожидал...

Ну а теперь внимательно отслеживаю приближение самолётов противника. На пассажира в задней кабине надежды мало. Что бы он ни говорил, но стрелять из кабины летящего самолёта по точно такой же быстро движущейся цели тоже немаленький опыт нужен. Впрочем, посмотрим. А вдруг там талант невероятный?

До своих лететь нам минут восемнадцать или чуть меньше. А противник догоняет. Однотипные же машины, а скорость у них чуть выше. Почему, интересно? И заходят грамотно. Один сверху идёт, наверняка будет атаковать на снижении с разгоном скорости, другой чуть в сторону отвалил, будет нас от своих отжимать. Да ладно!

Не оторваться. Обороты максимальные, двигатель поёт, а австрийцы всё равно догоняют. Ещё немного и начнут стрелять, черти грамотные!

Тяну до последнего. Вот как только понял, что сейчас попаду под огонь, спинным мозгом почуял, так и отдал ручку от себя. И сразу же ушёл вправо, под самолёт сбоку, в мёртвую для его стрелка зону. Ну и разогнался немного на снижении, не без этого. Всё ближе к своим уйдём, заодно и от нагоняющего сверху «Альбатроса» оторвёмся и его же това-

рищем прикроемся. Вот только непонятно, почему наш талант в задней кабине молчит и не стреляет? Ему же только ствол пулемёта вверх задрать да на крючок нажать! Оглянувшись, а он что-то там в своей кабине возится. Наверное, патрон заклинило. Ох, не к добру это...

Да он там совсем с дуба рухнул!? Из своего карабина начал стрелять! Шашку бы ещё достал.

Да-а, придётся мне постараться! И крутиться нельзя – собьют, и по прямой не уйти – догонят, обгонят и снова собьют. Остаётся только шарахаться из стороны в сторону, ну и снижаться-разгоняться помаленечку, к своим уходить. Пока высота позволяет. Ну и на то, что стрелок в задней кабине перекося патрона в конце концов устранил...

Так и шархался змейкой из крена в крен, пока высота позволяла. А дальше всё-таки выскочили к нашим, и противник сразу отстал, развернулся и ушёл вверх. Повезло нам. Или мастерство пилота сработало, или... Что самое интересное, так это наш стрелок даже со своим карабином заставил себя уважать. То ли попал там в кого-то, то ли ещё что, но после первого сближения противник так больше и не рискнул с нами сближаться. Издалека по нам постреливали, но больше всё мимо. Так что зря я на нашего стрелка наговаривал...

А вообще, этот неожиданный вылет пришёлся как нельзя кстати. Я в свои силы уверовал. И все сомнения отлетели прочь. Да и не было никаких сомнений... Кто сказал, что они

были? Правильно, никто!

Да, ещё в одном повезло в этом вылете. Расположение-то наше, и дивизия своя, и мы тут в кабине сидим тоже вроде бы как свои, но на самолёте-то у нас кресты намалёваны! Так что зря я успокоился раньше времени!

Похоже, не все в дивизии про наш трофей знают. Потому как на пролетающий у себя над головами самолёт с крестами бойцы отреагировали положенным образом. Постреляли по нам, соответственно. Хорошо хоть скорость у нас была высокая. Скорость высокая, а высота, наоборот, маленькая. На бреющем шли, по верхушкам деревьев. Потому-то и стрельба велась в основном вслед уже пролетевшему самолёту.

Над очередным лесом подпрыгнули вверх, определились с местом и снова снизились, взяли курс на наш импровизированный аэродром, куда и сели спустя несколько минут. И зарулили на прежнее место, под ту же самую охрану. И даже любопытный народ почти не успел разойтись.

Помог стрелку вылезти, заодно сразу и о стрельбе уточнил. Что сказать... Моя ошибка, моя вина. Полностью... Просто патронов к пулемёту нет. От слова «вообще» нет! А я-то на человека грешил. Хорошо хоть своё мнение при себе придержал и не стал по этому поводу сразу высказываться. Воистину, поспешишь, людей насмешишь. Или ещё одно, как раз подходящее к месту: «Язык мой – враг мой».

Быстро сориентировался и поблагодарил бойца за отличную стрельбу. А там и командир подъехал.

Доложил ему о выполнении задания, отдал карту с пометками. Объяснил то, что нарисовал и увидел сверху.

Ближе к вечеру, после посещения нашего импровизированного аэродрома командиром дивизии и начальником штаба, удалось найти краски и замалевать кресты. И взамен нарисовать российские опознавательные знаки. От руки нарисовали. Кривенько, косенько, но лучше уж так, чем никак. А караул со стоянки всё равно решили не убирать – пусть будет. Когда ещё народ привыкнет...

Вот только закончилась моя лафа в полку и бригаде. Отныне место моё в штабе, в личном распоряжении командира дивизии, великого князя Михаила Александровича. Точнее, не моё, сам-то я там низачем не сдался. А вот самолёт... Самолёт оказался нужнее... А ещё лучше было бы, как в сердцах выразился на следующий день в разговоре со мной великий князь: «Вместе с самолётом и ангар с обслуживающим персоналом прихватить...»

– Умеете вы, господин полковник, головной боли своему командованию добавить. Что смотрите? Помню, помню я наш давешний разговор и просьбу свою к вам не забыл. Но вот именно сейчас этот трофей нам не нужен. Если только служивых за сию доблесть отметить... И вам благодарность вынести... – остановил меня князь движением руки. А я ведь только сказать собирался, что не за награды и благодарности старался. – Знаю, что не за этим вы к неприятелю в тыл ходили. Понимаю. Но и вы сейчас меня выслушаете и поймё-

те. Ну где я вам сейчас найду квалифицированных механиков? А бензин с маслом? Да-а, задали вы мне задачу. И площадку с укрытием под этот аэроплан каждый раз новую готовить нужно, – великий князь поморщился, нарочито тяжело вздохнул, а сам в это время осторожно провёл пальцами по обшивке крыла.

– Сам со всем справлюсь. Пока у мотора ресурс есть, пусть на воздушную разведку летает. До снега можно брезентом кабину накрывать, и этого достаточно. Патроны-то к пулемёту в дивизии найдутся? А то получится, как вчера...

– Найдутся... – посмотрел на меня с каким-то отстранённым интересом Михаил Александрович. Вижу же, что о другом князь думает. – Разведка, это замечательно! Ваш вчерашний вылет очень кстати пришёлся! А уж если сами со всем справитесь, то это вообще прекрасно! А стрелять кто из этого пулемёта будет? Тоже сами?

– Надеюсь, найдём охотника сменить одного рысака на другого... – улыбнулся в ответ на великокняжескую шутку и сам пошутил, потому как шутка моя к месту пришлась. – Да, главное. Можно самолёт в опись имущества дивизии не вносить... Трофей же... Если возникнут неполадки или какие-либо другие проблемы, то всегда можно просто оставить его на земле.

– Хорошо, пусть так и остаётся. А бензин мы для такого дела найдём!

Ещё бы не нашли. В дивизионном штабе-то не только ло-

шадки имеются, но и парочка железных коней найдётся. Да грузовики ещё... Так что списать топливо не проблема...

Утром следующего дня я был несколько ошарашен, когда командир дивизии прямо к самолёту пожаловал. Или снова срочный вылет? Так я завсегда готов!

Михаил Александрович как-то равнодушно выслушал мой бодрый доклад, обошёл по кругу самолёт, попытался провернуть винт и тут же оставил эту затею в покое. Резко развернулся ко мне, а я следом за ним шёл, прямо и пристально взглянул мне в глаза:

– Это хорошо, что и самолёт, и вы лично к вылету готовы... Только некому будет на этом аэроплане в небо подниматься. Высочайшим повелением приказано вас срочно отправить в столицу... С обязательным сопровождением, Сергей Викторович... И чем, интересно, вы так государю не угодили?

Стою, соображаю. Вот оно в чём дело... Да понятно, чем не угодил. Или как раз угодил. Вот же чёрт! Разогнался! Полетать захотелось! Только что все мои планы пошли псу под хвост. Не готов я к подобной поездке, да и не нужна мне она сейчас. Мне бы ещё некоторое время в дивизии побыть.

– Ваша светлость, – протянул, лихорадочно выискивая хоть малейшую причину отказаться от поездки и прекрасно понимая, что этот приказ всё равно придётся выполнять. – Ваше императорское высочество...

– Что, господин полковник, не хочется вам в столи-

цу? – усмехнулся Михаил Александрович, прекрасно понимая мои метания.

– Нет! – решительно выдохнул я.

– Понимаю. И рад бы вам помочь, да против монаршей воли не пойду.

– А если по-братски с государем поговорить? – я всё ещё выискивал хоть какую-то возможность отказаться.

– Сергей Викторович, вы что, действительно не знаете о моих отношениях с братом? Ведь об этом вся империя знает! – удивился Михаил Александрович.

А я не вся империя! Как-то я этот момент пропустил. Или это до моего появления произошло? Да какая мне разница? Похоже, придётся и впрямь в столицу ехать... А почему, кстати, эта поездка вызывает во мне такое неприятие?

Вот тут и всплыло в памяти лицо адмирала Эссена и его предостережение держаться подальше от столицы, от столичных интриг. Говорил же себе, что память вернулась не полностью! И, похоже, будет подкидывать мне подобные сюрпризы. Да лишь бы вовремя подкидывала, чтобы не надевать по незнанию непоправимых ошибок. На грудь табличку о потере памяти не навесишь...

– Сергей Викторович? – голос князя заставил очнуться от воспоминаний.

– Прошу прощения, не знал.

– Да? – явное сомнение в голосе Михаила Александровича только глупец бы не распознал.

– Да! – ответил утвердительно, да так, чтобы больше никаких сомнений не возникло.

– Тогда готовьтесь к отъезду.

– А самолёт?

– А что самолёт? Это же не лошадь – сена не просит, пусть стоит до вашего возвращения. Ну а если не вернётесь, тогда и будем думать, где нам пилота найти. Но с пилотами сейчас очень трудно. Так что постарайтесь приложить все усилия, чтобы вернуться...

Что не лошадь, это точно. В общем-то, наш с великим князем короткий разговор на этом и закончился. Придётся мне выполнять приказ государя и ехать в Петроград. Вот же ещё придумали название – ни к селу, ни к городу. То ли дело прежнее было – Петербург!

И кому тогда трофеем оставлять? Под чью ответственность? А если дивизия и впрямь начнёт передислоцироваться? Кто самолёт на новое место перегонит? Или так его здесь и оставят? Хотел напоследок задать вопрос князю, да передумал. Всё уже сказано.

Забрал в штабе дивизии проездные документы, на выходе столкнулся с Юзефовичем. Начальник штаба ответил на приветствие, предложил подняться в кабинет. Наверху в приёмной озадачил адъютанта каким-то поручением (я не вслушивался), пригласил меня проходить. Предложил присесть и немного подождать.

Ждать пришлось недолго. Минуты через три звякнул те-

лефон, генерал поднял трубку, ответил утвердительно. Тут же и дверь отворилась. Вот теперь понятно, кого мы тут ждём. Жандармы по мою душу пожаловали. Это и есть то самое негласное сопровождение до столицы. Будут со стороны за мной приглядывать.

Юзефович представил нас друг другу и быстро свернул встречу. Распрощался с нами. Правда, уже на выходе я остановился и всё-таки уточнил насчёт самолёта. Оказывается, уже всё просто. Поскольку знаки на самолёте российские, то и самолёт поставлен на учёт...

На вокзале наткнулся на пару репортёров. Сразу на входе, как назло. Разминулись с ними, а за спиной громкий, на весь зал, шёпот. Вот уж кому стоит отдать должное, так этой браatii – узнали меня сразу. И не успел я выйти на перрон, как меня окликнули со спины. Оглянулся...

И зажмурил глаза от магниевой вспышки. Проморгался, чертыхаясь про себя, глядь, а фотографов этих уже и след простыл. И, что самое интересное, охранение моё даже не почесалось. А если бы это не фотографы были? То-то! Вот и мне стало плохо от такой мысли. Но выговаривать и портить отношения с сопровождающими меня людьми не стал, ни к чему. Да и своё начальство у них есть, вот пусть оно им за подобное несение службы и выговаривает...

А потом поезд и столица. Проездными документами меня в дивизии снабдили, даже некоторое количество денег на дорогу выделили. Ну и бумагу, удостоверяющую личность,

выписали. Отправился я в путь вроде бы как и один, но всё время неподалёку от меня крутились мои новые знакомые. Ну и ещё на пару человек неподалёку обратил внимание, потому как поймал на себе несколько раз явно заинтересованные взгляды. И в здании вокзала их же заметил, и на перроне они же рядышком трутся. Явно ребята принадлежат к ведомству контрразведки. Или тоже к жандармам. Да и ладно, не идти же выяснять. Мне же так проще. От любых неприятностей оградят в случае чего...

Ага, уже от репортёров один раз оградили. Толку от них немного, на себя надеяться нужно и более ни на кого!

Поезд как поезд, и рассказывать нечего. Билет у меня в вагон первого класса, благо проездные документы это позволяют. И всё благодаря великому князю. Ну и моим новым друзьям. Так и поехал, в папаше и черкеске. Вот только шашки у меня так и не было. И кинжала. Не достоин, не заслужил пока...

В столицу приехали на Варшавский вокзал. Ближе к вечеру. Место знакомое. Вышел на перрон, кивнул на прощание железнодорожному служителю, нашёл взглядом знакомые лица. Сопровождение моё неподалёку трётся, уже и не скрывается. Пошёл потихоньку к выходу. Если я правильно понимаю ситуацию, то о моём прибытии уже извещены те, кому следует. Поэтому меня наверняка сейчас встретят. Или кто-то из ведомства Джунковского, или... А кто или? Батюшин? Больше и некому меня тут встречать.

– Сергей Викторович?! Вы ли это? – удивлённый возглас сбоку заставил повернуть голову.

– Собственной персоной, Игорь Иванович, собственной персоной, – удивился присутствию самого Сикорского на вокзальном перроне. – А вы тут какими судьбами?

– Вас встречаю, – склонился в шутиливом поклоне мой старый товарищ и компаньон. Ещё и усмехнулся на моё законное недоумение. И тут же посерьёзнел. – Да вы так не удивляйтесь, Сергей Викторович. Шутка это. Вот сюда гляньте...

И помахал рукой чуть в сторону. Ну и я, само собой, в ту же сторону взгляд перевёл. И чертыхнулся про себя досадливо. Ну и кто мне злобный доктор? Почему, с какого перепугу я начал думать, что все и всё вокруг меня должно крутиться? Уж сам-то мог сообразить, что на вокзал поезда не только прибывают, но и отправляются тоже. Вот и Игорь Иванович провожает кого-то. Судя по силуэту в сверкающем чистотой окне, женщину. Не разобрать мне, кого именно. Жену?

– Супругу провожаете? – уточнил и тут же спохватился, пожалел о вылетевшем вопросе. Ну, право слово, мне-то какое до этого дело? Хорошо, если супругу, а если нет? И компаньона поставлю в неудобное положение, и сам окажусь в таком же.

– Сестру, – коротко объяснил Сикорский и добавил тут же, словно оправдываясь за свою краткость: – Да вы же знакомы с ней. Помните, она ещё нас чаем прошлой зимой в ангаре на лётном поле угощала? Вот с той поры простуда её

и не отпускает. Врачи порекомендовали Крым. Там сейчас спокойно...

Тут и поезд загудел отправление, дёрнулся и медленно пополз вдоль перрона. Сикорский ещё разок махнул рукой, сделал вслед разгоняющемуся составу пару произвольных шагов и остановился. Развернулся ко мне:

– Да, Сергей Викторович, рад, что вы целы и невредимы. Тут газеты писали всякую чушь о вашей гибели, но мы с Михаилом Владимировичем подобной писанине не поверили. И в Адмиралтействе вашу гибель не подтвердили, отмолчались многозначительно. Так что? Расскажите, где столько времени пропадали? Или это военная тайна?

– Да какая тайна! Ранен был. Вот и отлёживался. Потом долго восстанавливался.

– Ну, вижу, что сейчас с вами всё в полном порядке. Поэтому приглашаю в гости. Вы же никуда не торопитесь? Впрочем, отказа я и не приму. Поехали, Сергей Викторович!

– А и поехали! – махнул рукой. Подождут все дела. Заодно и проверю, какие насчёт меня инструкции были отданы моим негласным сопровождающим...

Никто мне препятствовать не стал. Загрузились в автомобиль Сикорского, поехали к нему домой. Ну и посидели за разговорами в тёплой дружественной обстановке до поздней ночи.

Утром проснулся с тяжёлой головой. Игорь разбудил. И сразу же потребовал подтверждения вчерашним моим сло-

вам:

– Сергей, то, что ты вчера мне сказал, действительно правда?

А я и не помню, что вчера наболтал. Слишком долгое время я к спиртному не притрагивался. Вот вчера меня и развезло до потери сознания. И ведь выпил-то вроде бы как совсем немного...

– А что я вчера говорил-то?

– Не помнишь? – удивился Игорь. Судя по всему, мы с ним перешли на дружеское общение. И на «ты». – Мы же выпили вчера всего ничего...

– Похоже, мне и этого «ничего» вполне хватило, – обхватил руками гудящую голову.

– Так, пошли в столовую...

– погоди. Постой же! Дай мне хотя бы возможность одеться. Да и умыться не помешает!

– Хорошо, – перестал меня тянуть за собой Сикорский. – Одевайся, я подожду.

Ничего себе. А где воспитание? Культура, наконец...

– После твоих вчерашних слов ни о какой культуре и речи не может быть, – прервал мои стенания хозяин дома.

Это я что? Вслух сказал?

– Да мы с женой всю ночь не спали после такого, – продолжал между тем наседавать на меня Сикорский.

– Знаю я, отчего вы не спали, – пробурчал тихонько. – погоди. И жена в курсе?

– В курсе, в курсе, – усмехнулся Игорь. – Ты же вчера на весь дом кричал, меня за грудки хватал. Странно было бы, если бы она не слышала твои откровения.

– Всё. Я готов, пошли, – что ж я вчера такого-то наговорил? Нет, что мог наговорить, я примерно представляю. Но что именно?

В столовой никого не было. Но только лишь мы уселись, как двери распахнулись, и в зал вошла супруга инженера с большим подносом в руках. Игорь вскочил, перехватил поднос, помог супруге усесться рядышком с собой. И оба на меня уставились. Ну а я что? А ничего. Мне бы сейчас рассолу выпить! И за неимением оного придётся давиться чаем. Что я и сделал.

К чести Игоря, на меня не стал наседавать с вопросами, пока я не закончил с завтраком. И только после того, как я отвалился на спинку стула, требовательно спросил:

– Рассказывай!

– Да не знаю я, что тебе рассказывать-то! И о чём!

– Так ты что? И вправду ничего о своих вчерашних пророчествах не помнишь?

Вот оно что! Это меня вчера, то есть сегодня ночью, с пьяных глаз на откровения пробило? Ну-у, дела... Раньше за собой ничего подобного не замечал. В любом состоянии себя и свой язык контролировал. Похоже, потеря памяти и здесь сказалась. И как мне теперь выкручиваться?

– Правда не помню. Ты бы мне хоть сказал, что за открито-

вения-то?

– Что я в Америку уеду. И супругу в положении одну оставлю...

Это-то я откуда знаю? Интересные выверты памяти? Разбираться после буду, а пока как-то действительно нужно отговориться и успокоить взволнованную чету супругов.

– Ты же знаешь, что меня государь принимал? И матушка его, государыня вдовствующая императрица наша? Дождался молчаливого согласного кивка и продолжил:

– Вот из-за подобных откровений меня и принимали...

– Так ты как Распутин? Можешь видеть грядущее?

– Ну не совсем как Распутин, но кое-что могу. Иногда. Очень и очень редко.

– И что? Сбывается всё то, что ты видишь? – выражение лица у Игоря, словно у маленького ребёнка, которому показали взрослую тайну. И у его супруги точно такое же. Ещё и рот приоткрыла от восторга.

– Не всегда сбывается. Поэтому вы уж о том, что вчера услышали, никому ни слова не рассказывайте.

– Почему?

– А самому сообразить? Ты в окошко-то выгляни... – подождал, пока Игорь встанет и выглянет в окно, продолжил объяснять: – Видишь, люди в штатском крутятся? Так это моё негласное сопровождение. Жандармы со стороны приглядывают. Дело-то государственное...

– А-а...

– А произойдёт ли с вами то, о чём я говорил, пока неизвестно. Даже вот этот сегодняшний разговор может изменить будущую вероятность. Потому что вы уже знаете о том, что может произойти, и постараетесь подобного не допустить. И не уедешь ты ни в какую Америку...

– Скажи, Сергей, – осторожно проговорил Сикорский. – А все те твои новшества... Они оттуда?

Что самое интересное, так это то, что при своих заключительных словах он взгляд к небу поднял.

– Оттуда, оттуда. Ну и отсюда тоже, – постучал я пальцем себе по лбу.

А что? Знаний-то у меня и своих хватает. Образование-то у меня, как ни крути, а инженерное...

Сикорский не на шутку возбудился, разволновался, по столовой забегал. Пришлось остужать этот фонтан красноречия и энтузиазма. Объяснил ему, что подобные «предвидения» бывают у меня очень редко. Просто-таки единичные случаи, вроде вчерашнего. Да и то наверняка спровоцированы алкоголем...

– Послушай, – задумался Сикорский и потянулся к буфетной дверце. Распахнул и вытащил из тёмного нутра графин с вполне понятным содержимым. – Может, повторим вчерашнее?

– Издеваешься? Да мне одного раза хватило! А ты вместо того, чтобы над товарищем издеваться, лучше бы о собственной безопасности задумался. И о безопасности супру-

ги тоже.

– Что ты имеешь в виду? – удивился инженер.

– Да то и имею. Не дай бог тебе или твоей супруге проболтаться о вчерашнем происшествии, и тоже попадёте под тяжёлый пресс государственной машины. Кстати, вчера как-то закрутился, растерялся от такой неожиданной нашей встречи и забыл спросить – а что... Нет, а какие обо мне слухи в столице ходили? Или ходят?

– Весной газеты написали о твоей гибели, но из наших общих знакомых никто в подобное не поверил. Да и кое-кто, – Игорь Иванович вновь поднял взгляд к потолку, – определённым образом дал понять, что это всё выдумки репортёров для поднятия продаж.

И Сикорский повёл бровью в немом вопросе. Ответа не дождался, замялся и вспомнил:

– Да, тут же где-то у меня свежая газета была, утренняя. Так в ней и опровержение тех самых слухов было. И твоя фотография в папаше прилагалась. Изображение так себе, но узнать тебя было можно. А ты где пропадал-то столько времени? Или это тоже – тайна?

– Да какая там тайна... А разве я вчера ничего не рассказывал?

– Да всё про полёты в основном, да про трофеи свои австрийские. Так что нет, не рассказывал.

– Понятно... Болел долго. Лучше не спрашивай, не хочу снова в воспоминания ударяться.

– Ударяться... Я уже и от выражений твоих странных отвык за это время... Ладно, дело твоё. Что думаешь дальше делать?

– Доложить о прибытии в столицу. И ожидать приказа о назначении.

– Тогда поехали? Отвезу, куда скажешь. Доложишь, а пока будешь приказа ждать, на завод проедем. Должен же ты, как наш компаньон, делами завода интересоваться? Глядишь, что-нибудь толковое и подскажешь. Да и в финансах пора бы тебе порядок навести...

Глава 3

Неспешно собрались, задержались ненадолго в небольшом холле. Игорю именно в этот самый момент приспичило какие-то срочные вопросы с супругой решить. Так что на несколько коротких минут остался я один. Огляделся в поисках хоть чего-то, на что можно присесть. Ноги-то после вчерашнего немного подрагивают, да и в голове чёрт-те что творится. И ведь даже простенького огуречного или капустного рассола в этом доме не имеется. Да, сей чудесный продукт я первым делом после побудки истребовал, не стал стесняться. Но, как оказалось, подобного лечебного средства на кухне не держали. За ним нужно было на рынок идти. А это далеко.

Так что никого за чудодейственным лекарством отправлять не стали, да я и сам от подобного варианта отказался. А вот альтернативу сразу нашли – кисленького клюквенного морсу отпил с удовольствием. Только мало он мне помог. Пока хлебаешь, вроде бы как и ничего. А стоит только чашку отставить, как тут же и жажда, и головная боль волнами накатывают. Придётся помучиться и подождать естественного выздоровления отравленного «всякими нездоровыми излишествами» организма...

Да, присесть некуда. Оглянулся, газетку давешнюю углядел со своим портретом экзотическим. Шагнул к газетнице, ухватил пальцами сложенные шуршащие листки, к себе

поближе подтянул. Заметку короткую ещё раз прочитал, на своё изображение размытое полюбовался. Верите или нет, но даже легче стало. Потянулся вернуть газету на прежнее законное место и подскочил от громко зазвеневшего колокольца над головой. Кто-то с визитом подгадал.

Ну я в доме не хозяин, поэтому и открывать двери никакого права не имею. А колоколец не успокаивается. Брякнул, выдержал небольшую паузу и вновь зашёлся в раскалывающем мозги медном грохоте. В любое другое время, не отягощённое похмельным синдромом, эти звуки показались бы мне приятными и мелодичными. Да... В любое другое, но уж точно не в это. Так и просидел почти минуту, со злостью поглядывая на бьющийся в припадке колоколец.

Хорошо хоть хозяин объявился, в холл выскочил, на меня виновато глянул и за дверной засов ухватился. Пришлось на ноги взгромоздаться, выпрямляться, придерживаясь за стеночку. Что-то после завтрака меня немного развезло на старые дрожжи.

Ба-а, дела... Это ведь именно по мою душу визитёр оказался. Давешний знакомец из моего, так сказать, личного сопровождения из-за плеча Игоря выглянул, пальцы к шляпе приложил в приветствии и виновато вымолвил:

– Господин полковник, велено вам передать нигде не задерживаться и срочно явиться к его превосходительству...

И карточку визитную мне подаёт. Исхитрился каким-то образом мимо хозяина проскользнуть, протиснуться. Пере-

дал прямоугольный кусочек плотной бумаги и сразу отступил назад:

– Прощенья просим за беспокойство. – А сам уже успел цепким взглядом охватить и оценить и мой помятый вид, и то, что я к выходу уже готов. – Разрешите откланяться?

И, не дождавшись одного разрешения, быстро скатился вниз по лестнице. И для чего тогда спрашивал? Для порядка, наверное...

Ну и мы с выходом не задержались. К счастью, больше никаких срочных дел у Игоря в доме не нашлось.

Вышли из парадной, вслед за Игорем раскланялся с городовым (что-то многовато чинов возле дома собралось), совместными усилиями запустили мотор, прогрели и переглянулись:

– Куда?

– На Фурштатскую приглашают, – достал из кармашка и показал давешнюю карточку.

Сикорский глянул вроде бы как и мельком, но нужную информацию мигом считал. Хмыкнул многозначительно, но тему дальше развивать не стал. Только кивнул головой согласно.

И мы поехали по знакомому адресу. Что самое интересное, так это мои сопровождающие тоже не заставили себя ждать, сразу же на другую сторону дороги метнулись и споро так в автомобиль загрузились. Развернулись и следом за нами пристроились. А те ребята из другого неизвестного пока

мне ведомства в экипаж запрыгнули. Ишь, как все подготовились...

Доехали быстро и без проволочек. Игорь, по понятным причинам, внизу остался, а я поднялся на крыльцо и потянул на себя тяжёлую створку двери. А дальше дежурному представился, и направили меня не в кабинет, а в личные апартаменты генерала. Голова моя за время поездки проветрилась, поэтому сразу сообразил, что беседа ожидается сугубо неформальная. Хотя какая может быть неформальность в разговоре с человеком подобного масштаба и такого же чина с должностью? Правильно, никакая.

Видимо, о моём прибытии генерала уже уведомили. Так как не успел я подойти к квартире Джунковского, как высокая резная створка двери приветливо распахнулась и в проёме самолично хозяин объявился.

– А я вас заждался, Сергей Викторович... – И улыбается так многозначительно. И улыбка такая хитрая. Чего это он заждался? Я же только вчера приехал. Да и то ближе к вечеру. А сегодня я уже тут и почти сразу с утра... Как только карточку и приглашение передали, так я и прибыл. Зачем же меня укорять за промедление?

– Проходите, не стесняйтесь, чувствуйте себя как дома. Сейчас нам чаю подадут.

Зашли в столовую.

– Думаю, моей сестре вас представлять не нужно? Вы же знакомы?

– Так точно! – я с какого-то перепугу коротко поклонился и даже каблуками прищёлкнул. – Здравствуйте, Евдокия Фёдоровна. Вы, как всегда, обворожительны...

С перепугу или не с перепугу, а поклониться да комплимент даме сказать ещё никому не помешало. Сразу же и подтверждение этой расхожей истины увидел.

Сидящая за столом молодая женщина засмеялась довольно, кивнула мне благосклонно и указала на стул:

– Присаживайтесь, господин полковник. Или вы мне разрешите называть вас по-простому? Серёжей, например? Или лучше Сержем?

– Почту за честь. Но лучше Сергеем, – не замедлил с ответом и вслед за генералом прошёл к столу. Я хоть и младше их обоих по возрасту, но если уж и разрешать обращение к себе по имени, так на то, от которого душу не воротит. Ну и уселся на указанное место. Само собой, после хозяина дома.

Однако перехожу на новый уровень, на тот, что повыше будет. Уже и по имени ко мне обращаются... Прямо-таки расту, словно та пресловутая репка на той пресловутой грядке...

– Чаю не желаете? – женщина продолжала играть роль хлебосольной хозяйки.

– Благодарю вас. С превеликим удовольствием!

Вот только чаю не дали отхлебнуть. Евдокия Фёдоровна мне полную чашку протянула и тут же, одновременно, очередной вопрос задала. Точно такой же, который мне все мои

знакомые в последнее время задают. Мол, где же я столько времени пропадал? Похоже, придётся мне в очередной раз рассказывать о своих весенне-летних похождениях под внимательными взглядами хозяев. Ну и, само собой, отвечать на уточняющие вопросы.

Единственное, что сделал перед тем, как рассказ начинать, так это незаметно (как мне показалось) на Владимира Фёдоровича глянул. Вопросительно. Генерал взгляд мой истолковал правильно и веки чуть прикрыл. Тем самым явно давая мне разрешение говорить.

А с другой стороны, почему бы и не рассказать? Сестра у него, насколько я знаю, фрейлина Высочайшего двора, самой Марии Фёдоровне служила. И Александре Фёдоровне. Но супруги-то государя сейчас в столице нет, она же вроде как в Крыму должна была находиться... Или я чего-то не знаю? И с каких это пор моя скромная персона стала интересна Аликс? И в столицу ведь меня чьим-то Высочайшим распоряжением выдернули... Получается, это не государю я понадобился, а... Неужели у неё появилось желание пристроить меня на освободившееся место Распутина возле своей семьи? Да не дай бог! Ничего у неё с этим не выйдет!

Впрочем, чего это я разошёлся, занервничал? Давно ведь для себя всё решил – от ближнего окружения государя я полюбому буду держаться как можно дальше! Как там говорят-то? «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»? Вот то-то и оно! Меня вполне устраивает

сложившееся на сегодняшний день положение вещей... Есть у меня прямой контакт с Джунковским и Марией Фёдоровной, и этого достаточно. А с кем и как они дальше контактируют, это их дело и по большому счёту меня мало касается... И тут же додумал свою мысль. Вот только оболящаться не нужно. Ещё как касается! Может так коснуться, что и завтрашнего дня не увижу! Или сегодняшнего вечера. Слишком малая я величина, чтобы считаться с моими интересами и чаяниями... Вон в сегодняшней же утренней газете прочитал о безвременной кончине князя Львова. Якобы от болезни... Ага, поскользнулся на ровном месте и пять раз виском о бордюр ударился... Если уж такие люди за жизнь удержаться не могут, то что мне-то говорить... Но государь молодец, очищает потихоньку Россию...

И аккуратнее тут нужно. А то слишком уж я категоричен – выйдет, не выйдет... Тут с Джунковского нужно пример брать – извернуться в случае чего по-лиси. Чтобы и мордочка в масле была, и никого резким отказом не обидеть...

Вот такие мысли-думки и посетили мою голову. Хорошо хоть пауза получилась практически незаметная со стороны, коротенькая совсем пауза.

И, чтобы как-то замаять эту паузу, я к чашечке потянулся, к себе ближе пододвинул.

Так, что-то я совсем в размышления ударился. Увлёкся, задумался. Пора бы и начинать что-то рассказывать. Что именно? Главное, это то, что нужно и можно отвечать

на вопрос. А генерал таким образом нескольких зайцев... Или кроликов? Тут, сознаюсь, от пришедшей в голову мысли-воспоминания я не сдержался и хмыкнул. А меня услышали и посмотрели с удивлением. Ну да, виноват, не сдержался. Вырвалось вот. Зато как удивительно к месту воспоминание пришлось... Тем не менее мысль свою додумал до конца: «Поймать хочет...»

А, вообще, что-то не то со мной после нашего с Игорем вчерашнего застолья происходит. словно бы контроль над собой в какой-то мере утерял. Понимаю же прекрасно, где нахожусь, а в голову лезет не пойми что... Вновь последствия травмы сказываются? Недаром же говорят, что голова предмет тёмный, малоизученный... А ведь так я могу запросто и до каких-нибудь неприятностей доразмышляться... Да это-то ещё ладно, лишь бы вслух что-то подобное не ляпнуть... Где не надо...

Так, нужно напрячься, собраться, отбросить прочь посторонние мысли и дотянуть до логического завершения этот разговор. Чтобы осталась возможность поехать потом на завод вместе с Игорем...

Однако приступим...

В процессе подзатынувшегося рассказа чай и выпил. А затем и вторую чашку налил. Сам. Слуг в кабинете нет, потому как разговор очень уж приватный. Впрочем, их вообще нет. Да ещё и словно как на грех – чашечки-то очень уж малюсенькие, на пару глоточков (на кофейные похожи), а горло

после вчерашнего так и сушит.

Вот бы мне ещё и некий кабинет посетить, а то после утреннего морсу что-то сильное желание на подобное посещение появилось. Но пока терплю, вида не подаю – неудобно же. Хотя будь мы наедине с генералом, я бы уже давно свою просьбу озвучил. Потому как отношения у меня с ним, смею надеяться, дружественные. Особенно после моих так называемых предсказаний. Это когда я ему о его будущем занятии по разведению кроликов рассказал...

Лиза

Воистину перст судьбы... Иначе как объяснить, что сегодняшняя утренняя газета волшебным образом взяла и попала на глаза? Да ещё и словно специально оказалась раскрыта на той самой странице... Со снимком, хоть и ужасного качества, но на котором сразу узнала такое знакомое, да лишь бы не подумать большего, лицо.

Осторожно взяла в руки чуть помятый ворох шуршащих листков, вчиталась в текст под снимком. И чем дальше вчитывалась, тем сильнее начинало трепетать в груди сердечко. Живой!

– Барышня, вас к завтраку просят, – голос горничной испугал, заставил вздрогнуть. Слишком уж неожиданно он прозвучал.

Газета вернулась на прежнее место, а девушка на какое-то

короткое время замерла на месте и смогла лишь кивнуть в ответ. Ещё через мгновение поняла, что смотрит на своё отражение в зеркале и ничего не видит. Встряхнула чуть-чуть головой, с досадой заметила нервный румянец на щеках, постаралась успокоиться...

Какое там! Глаза вновь сами по себе нашли газетный снимок, прикипели к милым чертам... И зачем ему эта ужасная папаха? Чистый разбойник в ней, настоящий абрек!

– Лизонька? – забота и любовь в голосе отца прозвучала столь явственно, что дочь смутилась ещё больше. – Ты почему к завтраку не выходишь? Что углядела-то?

Сергей Васильевич заглянул через девичье плечо:

– И ты удивилась? Я вот тоже никогда не верил слухам о возможной гибели Грачёва. И весьма доволен, что эти слухи оказались беспочвенными. Никогда! Ты слышишь меня, Лизонька? Никогда не верь тому, что эти газетные мараки пишут!

Остроумов приобнял дочь за плечи, мягко, но настойчиво увлёк прочь из холла:

– Пора завтракать. Или я на службу опоздаю...

Завтрак прошёл в молчании. И только под завершение, уже когда семья отложила в сторону столовые приборы, только тогда и зашёл разговор о предстоящем торжестве, главным виновником которого был глава семьи. А торжество предполагалось по случаю получения заслуженной награды в деле восстановления батарей и укрепления обороноспособ-

ности Босфора. Именно так и было написано в наградных бумагах.

И уже в самом конце обсуждения списка приглашённых гостей Лиза, всеми силами стараясь не выдать своего смущения, якобы случайно обмолвилась:

– Можно и этого вашего знакомого авиатора пригласить... – и тут же сбивчиво принялась объяснять: – Всем гостям было бы очень интересно послушать про аэропланы и воздушные битвы! Ну любопытно же!

Смущение всё-таки вырвалось наружу, заставило девушку замолчать и опустить голову. И оправдание не спасло. Не заметила она, как переглянулись родители и обменялись лёгкими, еле заметными, но от этого не менее многозначительными улыбками... И что самое важное – не догадалась Лиза, что газета та на столике оказалась отнюдь не случайно... И, опять же, в своём жгучем смущении не сообразила, что не так просто этого авиатора на папенькино торжество пригласить... Даже для папеньки. Потому как вряд ли этот полковник в Адмиралтействе вообще объявится... Нечего ему там делать. Во всём смущение это проклятое виновато!

* * *

– Всё? Поехали отсюда скорей! – Встретил меня у машины Сикорский.

– Всё, всё. Случилось что-то? Куда так спешишь? – оста-

новился рядом с ним. – А куда сначала? На аэродром или в Управление?

С интересом понаблюдал за процессом запуска мотора. Впрочем, у инженера движок работает как часики – схватился с полуоборота и завёлся, зарокотал, заурчал сыто.

– На завод поедem. И в Управление обязательно заглянем. Да не спешу я. Просто не люблю этих господ... Надсмотрщики! Всё смотрят и смотрят! Приглядывают! – поморщился Игорь. – Поехали, поехали! Что стоишь? Усаживайся. На аэродром сегодня уже не успеем. Ну да ничего, завтра с утра пораньше выберемся.

– Да тебе-то грех жаловаться. Сыт, обут и нос, как говорится, в табаке. Завод вот свой есть, казёнными заказами обеспечен, делом любимым занимаешься, наградили недавно за Босфор... Или этого мало?

– Да не мало! – отмахнулся Сикорский. Перегазовал, врубил с хрустом передачу, рывком тронул с места машину. А через минуту всё-таки объяснил свою резкость: – Не обращай внимания. Это я так, просто бурчу. Дань моде...

– Понял. Только не получится завтра с утра у нас с тобой на аэродром поехать.

– Что, очередная встреча? – хмыкнул Сикорский.

– Да. Встреча, – не поддержал веселья. – Ты меня утром в Царское Село отвезёшь? Или мне самому добираться?

– Отвезу уж. Куда я денусь. Только потом обязательно на аэродром. Мне твой совет нужен. Ну и показать хочу кое-

что.

– Что именно?

– Вот завтра и узнаешь, – отказался что-то объяснять мой компаньон и товарищ.

Ну, раз нет, то и настаивать на объяснении смысла не вижу. Потерплю, ничего со мной не случится. Стоп. А о какой это моде речь шла? Спросить?

– В смысле дань? Что ещё за мода такая?

– Побурчать на власть, поругать её, – Игорь с досадой дёрнул щекой и съёрничал: – В наших «интеллигентских» кругах это одна из излюбленных тем...

Однако как это всё знакомо! «Сначала было слово, потом дело...» Там одна фраза, здесь коротенький разговор, так потихонечку и закладывается в голову людям определённая установка. А потом, когда таких голов наберётся достаточное количество, происходит качественный сдвиг сознания. И недовольство, которого на самом деле и нет, выплёскивается наружу. На улицы... Это кто же у нас такой умный? Похоже, где-то Батюшин с Джунковским ситуацию упустили. Вернуться, что ли? Нет, не буду возвращаться. Лучше завтра эти свои мысли Марии Фёдоровне выскажу...

Потом был завод и, конечно же, разговор о самолётах. О новых моделях.

– Да как вы не понимаете, Сергей Викторович, – горячился в своём директорском кабинете Сикорский, в запале спора вернувшись к прежнему вежливому обращению на

«вы». – С подобными самолётами нам в мире равных долго ещё не будет. Это же какой рывок вперёд!

– Да всё я понимаю! – увлекли меня пламенные эмоции конструктора. – Но и вы поймите! Новые самолёты потребуют совсем другие материалы! Технологии! Кадры! И новые моторы! Нет, рано, рано нам затеваться с этим! У вас вон «Муромец» прекрасный самолёт! Вне конкуренции! Ни у кого в мире нет ничего подобного и ещё долго не будет! Немцы пытались сделать нечто подобное, и у них даже что-то получилось. Назвали «Гота». Но, как меня в ведомстве Джунковского уверили, одного из конструкторов этого самолёта я... Того-с... Вместе с той самой экспериментальной машиной... Ну, когда меня в Константинополе схватили...

– В газетах о таком я не читал, – нахмурился Игорь Иванович.

– Не об этом речь! Нам с вами вместо того, чтобы прожесты строить, лучше бы и дальше заниматься усовершенствованием того, что уже есть! И техническую базу развивать. Да, кстати, могу вас поздравить с первой боевой потерей...

– С какой потерей? – удивился Сикорский. – И почему это поздравить?

– Ну, как же? Ваш покорный слуга потерял свой самолёт. Разбил его при вынужденной посадке.

– Позвольте, но ведь... Вы же сами рассказывали о воздушном сражении? Об отказавших моторах и полнейшей невозможности продолжать дальнейший полёт? В подобных

условиях никто бы не справился.

– Правильно. Но машину-то я потерял? И это, к вашей чести и во славу нашего завода, первый многомоторный аппарат, который мы потеряли в боевых условиях. К чему я это говорю? А в подтверждение своим же словам о надёжности вашего самолёта. Если бы не его выдающиеся лётные качества, то не смогли бы мы столько времени продержаться под огнём противника в воздухе. Да ещё и с одним оставшимся рабочим мотором! Опять же лёгкое бронирование кабины позволило сохранить экипаж...

– Не весь, – перебил меня конструктор.

– Да, не весь. Но стрелок погиб от пули, залетевшей в пулемётное окошко. В бойницу. Не повезло...

– А Маяковский?

– Ну так по нам же со всех сторон из пулемётов садили! Нужно больше работать над броневой защитой...

– Это вес! – вскинулся Сикорский. – И, как следствие, уменьшение полезной загрузки. Тех же бомб или смеси будем соответственно меньше в полёт брать. Мы не можем пойти против требований Адмиралтейства!

– Можем, не можем... Зато экипаж сохраним! Мы же с вами планировали бронирование кабины в расчёте на обстрел из лёгкого оружия. А тут пулемёты почти у всех появились... Нет, нужно или увеличивать толщину стенок, или брать качеством стали. Или же делать защиту многослойной... – озвучил пришедшую в голову догадку-воспомина-

ние.

– Многослойной? Это как? Впрочем, нет! Это же какой вес получится!

– И ещё одно. Из своего личного практического опыта знаю, что ваш самолёт позволяет взять на борт несколько больший вес грузов, чем заявлено. Без каких-либо ограничений по скорости и длине разбега и нагрузкам на элементы конструкции...

За спорами время и пролетело. Это ещё хорошо, что никого больше в кабинете не было. Шидловский пропадал со своим отрядом на фронте и пока не собирался возвращаться. Так что спорили мы между собой. Да и спором этот разговор никак нельзя было назвать. Так, обсуждение и выработка дальнейших решений по новой модели «Муромца». Ну и одномоторных бипланов коснулись в какой-то мере, само собой. А там обсуждение перекинулось на летающие лодки, на перспективы самолётостроения... И как в таком разе не затронуть вопросы производства моторов? Да и потихоньку нужно подбираться к использованию в конструкциях новых материалов. Войне-то скоро конец, можно и намекнуть, гм, Второву прямым текстом на необходимость закупки алюминия за рубежом... Старые-то запасы давно закончились.

Засиделись на заводе до позднего вечера. Белые ночи давно закончились, поэтому пока собирали да прятали в сейф многочисленные карандашные наброски, на улице стемнело. И большую часть дороги домой пришлось проехать почти в

полной темноте.

Совру, если скажу, что ехали без опаски. Опасались, не без этого. Фары слабенькие, в нескольких метрах от машины уже ничего и не видно. Да ещё и лобовые стёклышки заставляют желать лучшего. Но доехали благополучно. Уже перед самым домом оба выдохнули, поймали себя на этом и переглянулись. И рассмеялись.

Вот тут и вляпались. Удар по капоту – испугаться не успеваю. Вижу краем глаза, как Игорь изо всех сил втискивает в пол педаль тормоза. Машина тут же и останавливается, благо скорости пока невысокие. Да мы и не лихачили, скорее, тихонько ползли. Выскочили из машины, осмотрелись. Батюшки святы, да мы городского задавили!

Стоим, не знаем, что делать. О том, чтобы удрать, и мысли ни у кого не возникло. Наклонились над телом.

– Убили? – почему-то шёпотом спросил Сикорский.

– Дышит.

– Берём его за руки, за ноги и заносим ко мне, – быстро пришёл в себя Игорь и принялся распоряжаться.

– Да погоди ты хватать. А если у него что с позвоночником? Только хуже сделаем...

Пока мы так между собой препирались, потерпевший и очухался. Хоть и свет от фар слабенький, но это-то можно было различить. Ну и расслышать, не без этого. Закряхтел господин полицейский, глаза открыл и громко так от всей души выругался. Да к свистку потянулся, собрался подмогу

высвистывать. Только этого нам не хватало...

Но обошлось. Благо Сикорский личность довольно-таки известная. А уж в своём районе, да на своей улице, про рядом находящийся дом я вообще молчу... Короче, несмотря на дрянное освещение признал городской господина инженера. Признал и ещё разок выругался. Правда, к чести господина полицейского, тут же и прощения попросил за свою несдержанность.

– Да бросьте вы извиняться. В такой ситуации я бы и сам... – отмахнулся от извинений Игорь Иванович. – Это я должен просить у вас прощения за свою невнимательность и неосторожность. Позвольте вам помочь подняться?

Подхватили под белые ручки потерпевшего, осторожно приподняли... Уверились, что никаких последствий это действие не принесло и уже смелее вздёрнули довольно тяжёлое тело вверх. Правда, пришлось это тело немного придержать. Сразу-то ноги у господина отказались служить – дрогнули в коленках и подкосились. Ну а со второго раза дело пошло на лад. А приглашение он, к нашему счастью, принял. Иначе же... Даже и думать о подобном не хочется... Ну а за приглашением последовало угощение и подношение. Договорились к обоюдному согласию.

Вот только ни за что не поверю я, что этот городской не слышал шума мотора подъезжающего автомобиля. Да кроме работающего мотора и звуков дребезжания подвески и кузова хватает. На ночной-то улице! Да нас наверняка за квартал

было слышно. Нет, тут в чём-то другое дело. Вот только в чём? И, кстати, а где же в этот момент моё так называемое негласное сопровождение находилось? И, вообще, хорошо, что скорость у нас была маленькая, ползли черепашьям шагом. А то бы...

* * *

До Царского Села добрались без проблем и довольно быстро. При дневном свете осмотрели машину на предмет наружных повреждений после вчерашнего столкновения, но видимых следов не углядели. Ну и отлично просто. А затем и тронулись потихоньку. Ехать днём не то, что ночью. Одно удовольствие. Если бы ещё не эти хаотично шныряющие пролётки с хамоватыми извозчиками, то было бы гораздо проще и безопаснее. Опять же не пришлось бы столько нервов тратить. Они же правила движения не соблюдают, да и наверняка о подобном ничего не знают. Поэтому снуют по проспекту от одного края проезжей части до другого. И могут рыскнуть в сторону в самый неподходящий для нас момент. Поэтому особо не разгонялись и смотрели в оба. А вот за городом осмелели и притопили педаль. Помчались с ветерком...

А потом встреча и разговор с Марией Фёдоровной. И вновь пришлось повторять в который уже раз набивший оскомину рассказ о произошедших со мной в последнее вре-

меня событиях. Вот только по завершении этого рассказа вдовствующая императрица и матушка нашего государя крепко так задумалась и дала мне мудрый совет:

– Ты, Сергей Викторович, больше никому и нигде о том не рассказывай...

Ну, наконец-то! Можно будет на запрет императрицы сослаться в следующий раз.

– Не нужно людям знать о твоей кратковременной потере памяти... – и многозначительно на меня посмотрела. Мол, сам соображу, или ещё и пояснять только что сказанное придётся? И после короткой паузы добавила: – Или тебе Евгению Сергеевичу показаться?

А что тут соображать-то? Ежу и тому понятно. Только вот я и до сей поры причин разбалтывать эту свою проблему в упор не видел. Или не находил. Что, впрочем, одно и то же... Но стоит отдать должное государыне, хоть я причин и не видел, а за языком своим не уследил и особой сдержанностью не отличился. Если посчитать, кто уже об этом знает, то немалое такое число получается... Только и к Боткину на приём я ни в коем разе не пойду. Ещё чего не хватало...

На том эта встреча и завершилась. И больше мы ни о чём не говорили и меня ни о чём не расспрашивали. Какая-то странная встреча. Непонятная. Или Мария Фёдоровна просто хотела лично убедиться, что со мной действительно всё в полном порядке?

Ну а потом мы сразу и без задержек на аэродром поехали.

И даже обедать не стали. И Сикорскому не терпелось чем-то передо мной похвалиться, и меня лихорадка нетерпения одолела.

Насчёт сразу я поспешил. На въезде остановили, документы проверили. За меня Игорь Иванович поручился, под свою ответственность на территорию объекта провёз. Ну да. Тут же у нас не только лётное поле, тут и сборочные цеха стоят. Где те самые «Муромцы» и собирают.

А вот и долгожданный сюрприз. Новая машина. Четырёх-моторный аппарат.

– Предлагаю сначала на нём в воздух подняться, а все вопросы на потом оставить? – предложил Сикорский.

И, не ожидая от меня ответа, полез в кабину. Ну и куда мне деваться? Не оставаться же на земле? Ещё чего не хватало! Тем более я и сам сильно по небу соскучился...

Глава 4

Бортовой инженер за мной лесенку убрал, дверь закрыл, замком-задвижкой щёлкнул. А я с солнечного света да в сумрак... Поэтому пока он у меня за спиной с дверью и лесенкой возился – постоял спокойно секунд с десятков. Ну, чтобы глаза к слабому освещению кабины привыкли. И огляделся попутно по мере привыкания, что уж тут. Интересно же... Тем более, эта кабина заметно отличалась от всех виденных мною ранее.

Опять же, никто моему интересу не мешает, некому отвлекать. С инженером, как и положено, ещё пока по лесенке поднимался, поздоровался, вопрос о готовности аппарата к вылету задал. Я же этот момент упустил, с предполётным осмотром-то. Потому что никак не ожидал вот так с ходу пересесть из автомобиля в самолёт. Ну и пока вопросы задавал, ответы на них выслушивал да осматривался, секунды-то и пролетели. И глаза как раз привыкли к полусумраку грузовой кабины.

Кроме нас с Игорем и бортинженера в салоне больше никого нет. Ни стрелков, ни радистов на борту. Пусто-с...

Пошёл потихоньку вперёд. А куда торопиться-то? Никто не подгоняет и за уздцы не тянет. Бортинженер позади держится, уважительно в спину сопит. Узнал, наверное. Молодец, начальство нужно знать в лицо! А если и не узнал, то

сразу сориентировался, сообразил, как себя с неожиданным гостем вести. Вот и выходит, что по-любому – молодец! Так что пока пробираюсь к пилотской кабине, хоть оглянусь спокойно, всё легче ориентироваться будет.

Обзорных прямоугольных окон нет, а установлены круглые, по типу корабельных иллюминаторов. И даже точно так же винтами-барашками фиксируются в закрытом положении. Получается, их ещё и открывать можно? А в полёте? Интересный был бы ход...

Ну, бомбовый отсек на первый взгляд остался неизменным, но только на первый. Потому как протискиваться в пилотскую кабину пришлось бочком. Увеличили объём? Но с этим потом разберусь. Что-то ещё глаз царапнуло... Что? Оглянулся, внимательно осмотрелся. А эт-то ещё что такое? Неужели... Да ну, не может быть! Ладно, с этим тоже потом разберёмся. Но если это именно то, о чём я думаю, то... То отныне противников у русской армии не будет... Если это, конечно, военный заказ. А если частная инициатива конструктора? В любом случае отличная новость! И вот ещё о чём обязательно нужно будет поговорить с... А с кем? Кто в этом деле, интересно, будет решения принимать? Государь? Генштаб? Или Батюшин, разведка? Ла-адно, определюсь постепенно, так сказать, по ходу пьесы...

Что дальше? Переборка между грузовой и пилотской без изменений. И тоже «почти». Вверх прямо по переборке вертикальная лесенка уходит, в пять коротких ступенек. И кол-

пак-площадка застеклённая. Пулемётная? А ведь это она наверняка и есть. Правда, самого пулемёта я сейчас наверху не наблюдаю, но ведь и мы в данный момент не на фронте. Интересно, а какой тогда сектор обстрела у этой огневой точки? Притормозил, провёл ладонью по ребристой ступени – нужно будет обязательно наверх залезть после полёта и осмотреться. Ну или позже, когда такая возможность подвернётся. Но выяснить нужно обязательно! И самому! На объяснения Игоря сейчас лучше не рассчитывать, он как в пилотскую кабину залез, так оттуда и не высовывается. И это вполне объяснимо – явно предлагает мне самому с новшествами разбираться. Наверное, чтобы своё мнение не навязывать?

Теперь кабина пилотов... Сикорский, словно сытый, обожравшийся сливок кот, сидит на рабочем месте командира корабля, ко мне лицом развернулся и лыбу во все тридцать два или сколько их там у него осталось, давит. Улыбается довольно то есть. Но молчит. Щурится и молчит. Ла-адно...

Сам всё увижу.

Кресла привычные, чашками, с уже уложенными в них парашютами. Ремни привязные. Штурвал с педалями, триммер... А ведь что-то ещё есть. Недаром Игорь такой довольный и так внимательно за мной и моей первой реакцией наблюдает. Что?! И я в полном восхищении плюхаюсь на сиденье. Неужели на этом самолёте наконец-то появился измеритель скорости полёта? То-то меня Сикорский сразу в кабину потянул, не дал вокруг самолёта оббежать. Так бы я точно

на приёмник воздушного давления своё внимание обратил. И всё равно глазам своим не верю! Не может этого быть! Но вот же он стоит! Не приёмник – указатель. Правда, шкала прибора градуирована в вёрстах в час, но это такая ерунда! Главное, уже проще будет пилотам. Есть на что отныне опереться, а не только на свои ощущения, опыт и матушку удачу. И можно будет полноценную инструкцию по лётной эксплуатации написать!

Кабина более остроносая. И вроде бы как чуть уже прежней. Поёрзал в кресле, покрутил головой, наклонился влево-вправо... Точно, поуже будет. И наружный обзор лучше. Ого! И боковое остекление на одну секцию больше стало, до столика радиста почти дотянулось. Носовая пулемётная точка переместилась немного ниже пола пилотской кабины и выдвинулась чуть вперёд за счёт более острого носа. Наконец-то! Сколько времени пришлось потратить, чтобы убедить Сикорского сделать нечто подобное... Да почти столько же, сколько в самом начале нашей совместной деятельности ушло на уговоры убрать балкон на носу «Муромца»... Неужели потихоньку косность мышления уходит? Или этому решению помогла продувка новой модели в аэродинамической трубе? Впрочем, что бы этому решению ни помогло – главное, что всё в тему, и Сикорский на правильном пути. А то всё «не может быть, не может быть! Никто в мире подобного не делает!» Хватит нам на мир равняться. Пусть лучше этот мир на нас равняется!

Хорошо получилось. Даже отлично! Теперь и пулемётчик своими сапогами пинаться не будет и вообще... Никто пилотам под ноги и педали не влезет. Красота!

Центральный пульт управления моторами наконец-то занял своё законное место между пилотами. Раньше-то он вроде как наособицу располагался. А теперь стал одним целым с центральной приборной панелью. Единственное что, так это консоль с РУДами чуть назад выступает. Ну да тут по-другому никак. Соответственно бортинженер за этой консолью и сидит. А стрелка ему придётся пропускать вперёд, отодвигая своё рабочее кресло в сторону и назад. Знакомая по ещё той моей жизни конструкция. Нечто подобное я и рисовал когда-то очень давно Сикорскому. Пригодились, значит, мои рисунки...

Что ещё? Температура охлаждающей жидкости, указатели оборотов и топлива... Рядом с РУДами топливные краны... На этом всё. Но и так очень даже неплохо. И ему чего-то не хватает? Ну Сикорский, ну жук! Да если этот самолёт ещё чуть-чуть до ума довести, то...

А что то-то? А ничего. Всё потом. А сейчас работать нужно! И я подогнал под себя подвесную, затянул на поясе привязные ремни, проверил ход рулей. Готов!

А дальше внимательно наблюдал за порядком запуска. Здесь всё-таки интереснее, чем на прежних моделях. Тут и стрелочки шевелятся, и виден весь процесс. И прогреваться на глазок стало не обязательно. Температуру-то сразу видно.

Сикорский отмахку дал, колодки из-под колёс выдернули, в сторону уволокли. Они, колодки-то, у нас увесистые, тяжеленные. Потому как из железа отлиты. Покрасили их, а то ржавеют мигом. Дюраль-то ныне в дефиците, излишков алюминия нет от слова вообще. То, что удалось закупить по своим связям промышленнику Второву Николаю Александровичу, давно закончилось...

Моторы хорошо так тянут, и газовать не пришлось – так покатались. Потихонечку-помаленечку разогнались, из капонира выкатились, развернулись аккуратно по большой дуге на девяносто градусов, встали на так называемую «рулёрку». Просто более накатанная колёсами полоса для руления. А ведь и катится машина несколько по-другому. Ход-то у неё более мягкий и плавный. Ну, то, что амортизаторы стоят, так они и раньше, на предыдущей модели, стояли. Значит, что-то новенькое? Отложим ещё один вопросец на потом...

На исполнительном... Пока выкатывались на взлётку, успел по сторонам глянуть. Пыли за нами почти нет, потому что не газовали при рулении. Так, лёгкий шлейф серый тянется вдоль ангаров, но и он уже практически на землю осел. Последние две недели стоят жаркие солнечные дни, вот всё и высохло. Даже трава пожелтела. Словно уже и осень наступила.

Ещё разок на пыль вдоль ангаров глянул. Это что же получается, ветерок-то у нас попутный... Хорошо, хоть самолёт пустой, отсюда и взлётный вес небольшой. Полоса длинная,

позволяет глаза прикрыть на подобное нарушение. Дело, конечно, командира – принимать подобное решение. Но! После полёта обязательно по этому поводу пройду, потопчусь на самолюбии инженера-конструктора грязными тяжёлыми сапожищами. А потому что нечего нарушать! Сами же инструкцию придумывали! На него же все подчинённые смотрят и пример берут. И молодняк! А этот пример плохой...

Обороты на взлётный режим, тормоза еле-еле машину удерживают. Но ведь удерживают же!

Поторопился я с выводом. Не удерживают. Грунт песчаный, высохший – колёса словно лыжи по нему скользят. Медленно так ползут, и вроде бы как мы даже на сантиметры вниз опускаемся... Такое ощущение, что зарываются колёса в пыль, уходят в землю.

Самолёт словно присел, нос опустил, приготовился к прыжку – дрожит всем корпусом в предвкушении скорого полёта. Ох, как хочется ему в небо – исходит нетерпеливой вибрацией вышедших на максимальные обороты моторов. Успеваю бросить ещё один взгляд вправо, на плоскости, на движки, на рвущие воздух винты.

Поехали! Сикорский отпускает тормоза, самолёт облегчённо и как-то даже со стоном выдыхает, рвётся вперёд... И чуть заметно подсакивает вверх – это колёса выпрыгивают из разрытых ямок. Ускорение ощутимо вдавливают в спинку кресла. За управление не держусь – придерживаюсь кончиками пальцев. Успеваю лишь моргнуть пару раз, и вот

мы уже в воздухе. Земля не желает отпускать, цепляется из последних сил, напоследок в тщетной попытке придержать возле себя тяжёлую машину раскручивает колёса, и они рассерженно, по-шмелиному гудят. Скорость растёт, стрелочка прибора быстро сдвигается вправо. Жаль, что невозможно пока сделать шасси убирающимися. Но это пока. Моторы-то мы уже свои сделали, рядные, с водяным охлаждением. Значит, и другие новшества не заставят себя долго ждать. А если бы у нас ещё и механизация крыла была... Но об этом лучше пока вообще не думать. Слишком рано, да и невозможно по тем же техническим причинам. Тут и крыло другое нужно, и продольно-поперечный набор, и сами материалы. Снова всё упирается в возможности и технологии...

Тяга отличная – идём в наборе высоты, горизонт сразу же уходит вниз, под обрез лобового стекла, а впереди бескрайнее синее небо! Контролирую скорость, раз есть такая возможность. Кстати, если уж начали мерить скорость, то пора бы и о вариометре задуматься...

Стрелка высотомера остановилась на пятистах метрах – Сикорский командует уменьшить обороты моторов и выдерживать приборную скорость в сто пятьдесят вёрст. Горизонт! А ведь у самолёта есть ещё запас по скорости! Игорь убирает нагрузки на штурвале триммерами и поворачивает голову в мою сторону. Лицо счастливое и довольное...

Ни ему спрашивать ничего не нужно, ни мне отвечать. Всё и так понятно. Без слов. Поэтому просто показываю оттопы-

ренный вверх большой палец руки. И только сейчас осознаю, что и в самолёт, и в полёт мы отправились в той же одежде, в которой приехали на аэродром. В гражданской. Это ещё хорошо, что я себе пару в магазине готового платья успел выправить позавчера, сразу же после приезда. А то так бы и ходил до сих пор в папаше и черкешке. Времени-то потом абсолютно не было...

«Ага, не было, – сразу же заворчал кто-то ехидный внутри меня. Внутренний голос, наверное. Кто же ещё... – Как коньяк с инженером хлестать, так есть время... А на порядочную одежду и портного нет? Вот теперь мучайся в этом неудобном костюме!»

Отмахнулся от так не вовремя проснувшейся совести, зачихал поглубже внутренний голос.

На вопросительный взгляд Игоря отвечаю своим утвердительным кивком и крепко перехватываю управление. Какое-то время вживаюсь в самолёт, в полёт, иду в горизонте, оттриммировываю усилия на рулях под себя. Теперь можно и чуть ослабить хватку пальцев на рогах штурвала. А ноги на педалях и так практически бездействуют. Для них время ещё не пришло.

Первый разворот. Левый. Крен, высота, скорость, обороты... Курс. Вывод. Прямая. Погодите-ка! А к чему мне обычную коробочку строить? Куда спешить? Топлива у нас (взгляд на указатель) достаточно... Так понимаю, от меня же после посадки потребуют оценку поведения самолёта вы-

дать? Поэтому...

И я вываливаюсь за пределы круга в правом крене. Педали пока не трогаю. Постепенно увеличиваю крен, одновременно даю команду добавить обороты двигателям. Самолёт так и норовит опустить нос – приходится удерживать его в горизонтальном полёте. Возросшие усилия на штурвале убираю триммером. Вот теперь пришло время и для педалей. И ещё чуть-чуть оборотиков добавим. И штурвал чуток на себя поддёрнем и зафиксируем. Немного, вот так будет вполне достаточно... Всё, пора останавливаться, прекращать увеличивать крен. Плавно убираю правый, не останавливаюсь в горизонте и тут же перевожу машину в точно такой же левый крен. Головой всё время кручу по сторонам. Ну и что, что никого не должно в небе быть? А вдруг откуда-нибудь кто-нибудь да объявится? По закону подлости-то? Ну и на приборы смотрю, куда же без них...

Небо в зените синее-синее. Полёт спокойный, болтанки нет, облаков нет – турбуленция воздуха отсутствует. Даже не тряхнёт. Стараюсь выдержать высоту, себя в мастерстве и точности пилотирования проверить. Выполняю классический разворот в горизонте на триста шестьдесят градусов. Намечаю внизу подходящий ориентир, засекаю курс. Но компас компасом, а с ориентиром надёжнее. Вот сейчас и посмотрим, не растерял ли я свои профессиональные навыки...

Подходит намеченный курс вывода, сверкает внизу сереб-

ристая лента Невы, круг замыкается и самолёт попадает в свой же спутный след. Появляется тряска, поэтому сразу вывожу аппарат из крена, ухожу в сторону от своего же следа. Значит, разворот выполнен правильно! Ни по крену не болтался, ни по высоте! Ну а дальше набор, снижение и снова набор, змейка. И всё время прислушиваюсь к машине, стараюсь понять, считать через пальцы всю информацию о том, что она в этом полёте чувствует, как себя ведёт. Чтобы знать её возможности, ну и не перегрузить самолёт... Правда, для этого ещё бы погонять на предельных режимах, но это всё потом, позже. А пока и этого достаточно...

Изредка кошусь на Сикорского. Сидит с непроницаемым выражением лица, руки на подлокотники кресла положил, вперёд смотрит. Уверен в своей машине...

Бортовой инженер мои команды спокойно выполняет, не суетится, РУДами двигает плавно, излишнего показушного рвения не выказывает. Опытный...

Так, сколько я там топлива израсходовал? Почти что и нисколько, но всё равно пора завязывать с выкрутасами. Первое представление о самолёте положительное, проблем с управляемостью никаких не заметно. Самолёт в воздухе сидит плотно, рулей слушается прекрасно, нигде не взбрыкивает, ничего лишнего себе на простеньких фигурах не позволяет. А больше ему ничего и не нужно. Не истребитель...

Стандартную коробочку побоку, сразу рассчитываю заход с обратным стартом. Потому как всё-таки необходимо на по-

садке ветер у земли учитывать! Даю команду прибрать обороты и правым разворотом со снижением выхожу на посадочный курс. Пока так. Вот войдём в нормальную глиссаду, тогда и будем корректировать скорость в большую или меньшую сторону. Как? А по углу тангажа, но в основном по поведению самолёта и по собственным ощущениям. Опыт мне в помощь. Короче, объяснять долго, проще показать разок.

Полоса впереди, крен «ноль» по прибору и визуально по горизонту...

Пока продолжаем снижаться с повышенной вертикальной скоростью – текущая высота по отношению к расстоянию до полосы всё-таки великовата. Можно ещё чуток увеличить вертикальную, чтобы войти в нормальную глиссаду. Ещё немного протянем, и начну уменьшать угол. Скорость чуть высоковата, но мы на выходе обороты попозже добавим, и она как раз упадёт до нужной. До порога полосы приблизительно на глазок вёрст шесть. В привычных мне километрах это практически столько же. Не буду мелочиться. Поэтому и высота должна быть около трёхсот метров. Где-то так и получается по высотомеру. Теперь самое главное убедиться, что никто не собирается в этот момент на взлётку выруливать! Ну или садиться на неё же с какой-нибудь другой стороны... Бывали, знаете, прецеденты...

Пора. Уменьшаю визуально угол тангажа, соответственно уменьшается и вертикальная скорость, и путевая. Уплывают под самолёт домишки. Нос самолёта в точку выравнивания!

Триммер. Обороты... Обороты пока не трогаю, слежу за поведением самолёта. Однако начинает проседать. Извините за выражение, но такие вещи сразу задницей чувствуются! Вот теперь РУДы вперёд. Левой ладонью подталкиваю руку инженера и тут же останавливаю, придерживаю от дальнейшего поступательного движения.

Самолёт немного вспухает, придавливаю его, опускаю нос машины, держу на намеченной линии снижения, снова направляю нос машины в точку начала выравнивания. Левая моя рука так и лежит поверх ладони инженера. Скорость! Обозначаю пальцами движение назад, и бортинженер понимает меня правильно – чуток прибирает обороты. Вот так хорошо. Ещё чуток подкрутим триммер на себя. Отлично! Идём по глиссаде ровно, словно по ниточке.

Проходим над крышами, трубами и дорогой, успеваю заметить задранные вверх головы зевак, мелькает ограждение периметра аэродрома с полосатыми чёрно-белыми столбами. Вот и намеченный мною торец посадочной полосы. Обороты на малый газ, штурвал плавно на себя... Крен! Убираю... Ещё на себя... скорость падает, падает, на себя... На себя... Есть касание! Колёса раскручиваются, отдают на корпус вибрацией, но самолёт ещё летит... Словно никак не хочет покидать родную стихию и возвращаться на землю. Зато касание настолько плавное и мягкое, что вертикальной перегрузки никакой нет!

Падает скорость, машина опускается на стойки и чуть на

них проседает, тяжело при этом вздыхает, встряхивает крыльями. Ну это-то и понятно, мне и самому там, в небе, лучше и легче. Там я почти свободен. Если бы ещё и мог самостоятельно летать... Как птица...

По инерции скатываемся в сторону, мнём колёсами редкую выгоревшую траву, катимся к месту стоянки. Там плавно торможу и даю команду на выключение двигателей. Переглядываемся с Игорем, отстёгиваемся и дружно подрываемся с места, покидаем кабину и оставляем самолёт на борти инженера. Потребности в лесенке ни у меня, ни у Сикорского нет, поэтому поочерёдно приседаем на обресе открытой двери и, придерживаясь рукой за пол, спрыгиваем вниз, на землю.

Так же молча отходим к ангару, прячемся в его тени от послеполуденных горячих солнечных лучей.

Сикорский не выдерживает первым. Это-то понятно – изобретатель и конструктор переживает за своё детище.

– Ну, как?

– Отличный самолёт! И в управлении лёгкий, и летит выше всяких похвал, – не задерживаюсь с ответом.

Дальше обычные авиационные разговоры, о которых скучно рассказывать. Да и не интересны они неспециалисту. Основные интересующие меня вопросы решаю отложить на потом. Не здесь их обсуждать нужно...

– Если следовать твоему совету, то придётся утяжелять машину. Усиливать дополнительно броневую капсулу. Инте-

ресно, что из этого в конечном итоге получится? Хотя-я... Должно мощности моторов хватить! – подвёл итог Сикорский. – Ну что? Поехали, пообедаем?

По общему согласию отобедать решили в «Астории». А что? Дело-то стоящее! Всё-таки новая машина, новые моторы, усиленная конструкция фюзеляжа и крыльев. Центроплан и лобовая часть обоих профилей снизу и сверху защита самой тонкой фанерой, что значительно увеличивает жёсткость крыла. Соответственно и его грузоподъёмность. Ну, тут не всё так однозначно, многое и от двигателей зависит. Нужно на практике проверять. Расчёты расчётами, а практический опыт лучше всего. Да и не будет заказчик на наши цифирки смотреть. Ему лучше объём и количество груза в натуральном виде показывать. Вот тогда он действительно впечатлится! И деньги заплатит. На заказы расщедрится. И это не только частника касается, но и госслужащего. Всё-таки основной заказ у нас казённый...

Сидим, неторопливо обедом наслаждаемся. Ну и разговоры ведём, планы дальнейшие строим. Не без этого же... Слишком много положительных эмоций у нас после полёта. Вот только на этот раз по молчаливому согласию спиртное решили проигнорировать полностью. И Игорь за рулём, и у меня никакого желания продолжать вчерашний загул нет. Хотя помню, ходила у нас в курсантской среде ещё в той моей бурной молодости подходящая как раз вот для подобного момента поговорка: «Если лётчик не курит, то к нему нужно

присмотреться. А уж если не пьёт, то надо гнать его из авиации...» Было... Всё когда-то было... И семья была, жена и дочь... Ух, как внезапно накатило!

Голову опустил, стараюсь глаза не поднимать. Ну нет абсолютно никакого желания свои эмоции демонстрировать. Публика в зале хоть и степенная, воспитанная, но нет-нет, а иной раз в нашу сторону поглядывают. И перешёптываются между собой тихонечко. Узнали. Кого конкретно из нас, даже гадать не хочу, не до того мне сейчас. Вот лучше сельтерской газированной бокал выпью. С пузырьками...

– Сергей Викторович? Игорь Иванович? Не помешаю своим присутствием?

Ну, вот. Сглазил! Поперхнулся! Слишком неожиданными оказались для меня прозвучавшие чуть сбоку и сверху слова. Даже пузырьки в нос шибанули, заставили скривиться, поперхнуться. Но это и хорошо! Теперь выступившую в уголках глаз предательскую влагу можно на это дело списать...

А Игорь-то уже расстарался, на ноги вскочил, раскланялся в приветствии. Хотя голос-то у гостя знакомый...

Приподнял подбородок, покосился глазом на неожиданного визитёра. М-да. А ведь придётся вставать и здороваться, отбрасывать в сторону мои воспоминания и последовавшее за ними поганое настроение... Да не просто вставать, а лихим чёртом вслед за Сикорским на ноги подрываться, потому как это сам Эссен, Николай Оттович, командующий флотом на Балтике почтил нас своим личным присутствием.

И за «визитёра» мысленно у него прощения просить!

О, да за ним ещё и адъютант замер соляным столбом, давнишний мой знакомец по Ревелю старший лейтенант Ичигов Алексей Владимирович. Улыбается мне довольно.

А Эссен между тем продолжает:

– А я-то чуть было мимо не проскочил! Да хорошо Алексей Владимирович... – адмирал глаза за плечо скосил, – вас вовремя углядел и мне подсказал: «Смотрите, докладывает, ваше высокопревосходительство, наш герой и ваш добрый товарищ за столиком в углу от почитателей скрывается...» Поэтому прошу прощения, но... Не утерпел! Решил самостоятельно подойти, честь оказать. Шучу, конечно. Алексея-то вы бы точно прочь завернули. А со мной у вас этот номер не пройдёт!

Вот кому мы обязаны этой встречей! Ишь, делает вид, что он тут совсем ни при чём. За широкой спиной адмирала от моего гневного взгляда укрылся и, небось, думает, что это его спасёт.

Наивный...

– Прошу, ваше высокопревосходительство, – пока я от неожиданной встречи очухивался да в себя приходил, Игорь не растерялся, пригласил адмирала за наш стол.

– Благодарю за приглашение, но... Право, господа, не в обиду, но позвольте отклонить ваше приглашение, – адмирал в несвойственной ему манере несколько замялся, а потом решительно рубанул: – Сергей Викторович, господин

инженер, – Эссен уважительно кивнул Сикорскому, – позвольте от имени виновника торжества, знакомого вам обоем Сергея Васильевича Остроумова пригласить вас в банкетный зал по поводу присвоения ему очередного чина генерал-лейтенанта. Ну и, соответственно, поздравим кавалера с наградой... За Босфорскую кампанию...

Отказаться не посмели. И люди не те, которым можно отказывать, и обязан я лично что одному, что другому. Поэтому вслед за Сикорским заверил адмирала в своём полном согласии присоединиться к торжеству. Единственное, так это посетовал вполголоса: а уместно ли будет наше присутствие? И как же нам без презента?

– Ну что вы как маленький, Сергей Викторович, – попенял мне адмирал за мои слова, пока мы в банкетный зал переходили. – Конечно же уместно! И какой может быть презент? О чём вы? Вы же генерала лучше меня знаете... Лучше в двух словах, пока идём, расскажите, насколько соответствует истине то, о чём газеты полгода назад усиленно писали?

– Частично, ваше высокопревосходительство. Лишь частично...

– Ну мы так и решили в своём кругу, – и, видя моё удивление, разъяснил: – Среди наших общих знакомых. Однако, глядя на вас, поневоле подумаешь, что в этот раз журналюшки не ошиблись... Очень уж вы изменились, Сергей Викторович. Шрамов добавилось. И сединой меня обогнали... Ес-

ли бы не Алексей, точно мимо бы прошёл, не узнал... Не в обиду вам будет сказано...

– Ничего, я уже привык, – и постарался переключить тему. – А вы какими судьбами в Петер... Фу ты, в Петрограде?

– Что, тоже новое название язык ломает? Вот и мне никак не привыкнуть. По службе я здесь. Надеюсь, как человек военный, других вопросов вы задавать не станете.

– На которые вы ответить не сможете? – продолжил-закончил за адмирала недосказанную фразу.

От дальнейших вопросов меня спас владелец этого великолепного ресторана. Правда, что это именно владелец, я узнал чуть позже, из разговора. Догадался. А в этот момент был рад, что нашёлся человек достойный, способный свободно обратиться к заслуженному адмиралу и отвлечь внимание на себя...

Эссен обменялся приветствиями на французском с Людвигом Людвиговичем Террье, представил нас друг другу, перекинулся с ним несколькими вежливыми фразами, хмыкнул благодушно, повелительно глянул на человека у дверей, и тот сразу же засуетился, потянул на себя прозрачную, толстого стекла дверь, придержал перед нами. Адмирал шагнул в зал, ну и мы за его широкой спиной следом. Владелец же остался снаружи, в зимнем саду...

– Господа! Прошу вашего внимания! – сразу же, в свойственной ему манере, привлёк общее внимание Эссен. – Позвольте представить наших новых гостей, которых вы

все и без моего представления, надеюсь, прекрасно знаете. Игорь Иванович Сикорский, авиационный конструктор и инженер, и Сергей Викторович Грачёв, хорошо нам всем известный полковник-авиатор, любимец судьбы и публики. А особо – газетных писак.

Неожиданное представление адмиралом нас обоих присутствующей в зале публике заставило меня буквально замереть на месте. А я-то собирался тихонечко просочиться к виновнику торжества, поздравить его по-тихому и сразу же благополучно удрать. Не вышло... И ведь я такой вот подставы не забуду, определённо точно кое-кому в лампадах напомню о его же собственных словах держаться подальше от всей этой... От больших людей с такими же лампадами, короче...

Господи, тут ещё и дамы... Платья роскошные, бриллианты сверкают... Глаза слепит. Бр-р... Взирают...

А я то на войне, то по горам ползаю, по развилку в снегу своё хозяйство морожу. Нет, вырываюсь периодически в так называемую цивилизацию, даже в столице бываю время от времени, дворцы посещаю, с коронованными особами иной раз разговоры веду... Но ведь это другое, это... По долгу службы! Вот что это! А тут? Там-то я в своём кругу, среди таких же обычных людей. И товарищи-сослуживцы у меня люди в основном простые. Есть среди них и дворяне, само собой, и чины большие, но рядом с ними я всегда был как-то на равных. А тут высший свет, тут притворяться уметь нуж-

но. Вон и Джунковский со своей супругой и сестрицей присутствуют, почти рядом с виновником торжества сидят. Вот для него в этом омуте за счастье зубастой щукой плавать, карасей заживевших гонять. Поглядывает этак многозначительно, головой кивает. Мол, попался... Похоже, ждёт меня очередной приватный разговор...

– Сергей Викторович? Да что с вами? – эхом доносятся до меня слова адмирала. А потом прямо в ухо сдавленным тихим рыком врывается еле слышная мне команда: – Полковник, смирно!

И тело тут же само реагирует, вытягивается и замирает. Пятки вместе, носки врозь, руки по швам, подбородок гордо приподнят, вид лихой и придурковатый! Уже само получается. Думаете, легко? А попробуйте...

– За мной шагом... – снова шипит еле слышно адмирал. – Арш!!

Шагаю следом и наконец-то прихожу в себя. Из ушей словно вынимают пробки, слышу разноголосый шум зала, шорох платьев, скрип стульев и звяканье столовых приборов. Даже умудряюсь расслышать в этом шуме посвистывающее шуршание натёртого паркета под ногами скользящих по нему официантов. В спину легонько правым плечом Игорь подталкивает... Уф, отстал...

Иду следом за Эссеном, краем глаза замечаю раскланивающегося со своими знакомыми Сикорского. Впрочем, он-то житель столичный, вхож в правительственные и казённые

учреждения, наловчился вращаться в обществе и свете, в общем. Поэтому и чувствует себя здесь как рыба в воде. А я? Чем я хуже? С чего бы так растерялся?

Чуть было не ткнулся в спину остановившегося адмирала. Хорошо ещё, что реакция отменная, успел отреагировать, замереть. И снова здорово! И ладно бы лишь сам виновник торжества был, с ним-то у меня никаких проблем в общении... Поклонился бы ему коротко, вот как сейчас, парой поздравительных фраз отделался, откланялся бы и сбежал потихоньку. Не тут-то было! Не удалось одними поздравлениями обойтись. А супруга виновника? Как же без неё в таком деле? Вот обязательно нужно мне вопросы задавать, да ещё и приглашать присесть на соседний стул? Для чего сгонять с него какого-то важного чина с большими погонами! Нет, у меня они-то тоже не маленькие, но здесь-то они генеральские. И зачем мне создавать на будущее такие проблемы?

Да это-то ладно, это можно и пережить. Но только сейчас мне, вот пятой точкой чую, всё те же вопросы начнут задавать... Отвечать на которые совершенно не хочется. От слова совсем не хочется. Нет у меня такого жгучего желания... Как бы тут пограмотнее советом Марии Фёдоровны воспользоваться? И сам Остроумов, похоже, мне на помощь приходиться не собирается. Раскраснелся, коньячку принял, чуть в сторону отвернулся, разговор с подошедшим Николаем Оттовичем завязал...

Вот и прав я оказался. Угадал с вопросами. Но и ниче-

го конкретного отвечать не собираюсь, отделаюсь ничего не значащими фразами. Вот такими, например: «В тылу просидел, под крылом самолёта проспал...» Или как в том кино... Откуда у вас седина и новые шрамы на лице? «Шёл, поскользнулся, упал, гипс...» Достаточно...

Отшутился, слава богу. И интерес к моей персоне наконец-то пропал у хозяйки. Можно и ретирату играть потихоньку. Откланялся, получил на прощание снисходительный небрежный кивок и поспешил отойти прочь.

Уже при отходе поймал вопросительный взгляд Остроумова и в ответ слегка приподнял бровь. Пусть понимает, как хочет.

Скрылся за колонной, оперся спиной на полированный мрамор и глубоко выдохнул. Уф-ф, только теперь напряжение и скованность отпустили...

А всё дело, как понял, в этой девушке с серыми глазами. И густыми пушистыми ресницами... Кажется, Лизой её зовут? Дочка Остроумова. Старшая. Знакомили нас на корабле – всплыло внезапно очередное воспоминание. И тот самый момент, когда мы в узком дверном проёме еле-еле разминулись... Ну, почти разминулись... Да-а, красивая девушка... И глаза такие... Такие... Весьма выразительные. Вот только в самом конце нашего с её маменькой короткого разговора промелькнуло в них... Нет, не сожаление какое-то непонятное, а скорее, разочарование? И отголосок жалости? Скорее всего, именно так... Не мог я ошибиться!

И сразу стало легче. Пропало окончательно давящее чувство в груди, осмотрелся уже совершенно спокойно, опомнился, оценил обстановку. Подумаешь, высший свет! Верхний, скорее всего... До высшего ему как до того далёкого государства на карачках добираться! И чего я так занервничал-то при входе в этот зал? Или эту встречу предчувствовал? Ну да, скорее всего, именно так. Ведь ничего не стоит связать Остроумова-старшего и эту вот его старшую дочь. Вот где-то глубоко в сознании я и связал... Только дошло до меня это лишь сейчас, как до того жирафа... Ясно теперь, что меня тревожило – подспудно ожидал я этой встречи. И приезд в столицу связывал с этой встречей...

И что теперь? Ну, встретился вот... И дальше-то что? А ничего! Олень я комнатный! Растерялся, язык проглотил! На что только надеялся... Стоп, стоп, стоп! А надеялся ли? Или вновь тороплю события? А ведь она просто меня жалеет! Мои ранения, мою седину, моё несурзное поведение... Мой измятый в полёте костюм... Отсюда и разочарование...

И тут же окончательно успокоился. Да и бог с ним. И с ней. Ну и со мной, это само собой. Как будет, так и будет. Всё равно моё место не здесь, не среди этой разодетой публики в лампасах и бриллиантах, а там, в небе, среди облаков и самолётов противника. Или даже в так ненавистных мне горах... А сейчас мне и впрямь лучше уйти. Пока все разговорами заняты, пока никому я не интересен...

Так и пошёл вдоль стеночки, не выходя из-за колонн. Вот

и дверь спасительная. Распахивается по моему жесту и тут же плотно прикрывается, отсекая все звуки банкетного зала за спиной. А дальше проще, можно в зимнем саду затеряться, отдышаться, успокоиться. И на выход... Так, не забыть бы расплатиться за обед и можно выбираться на улицу. И кой чёрт дёрнул нас праздновать именно в «Астории»? Ведь вон же оно, Адмиралтейство... Рукой подать, два шага сделать, два квартала пройти...

На выход, пока ещё кто-нибудь не задержал. Тот же Джунковский. Нет сегодня у меня никакого желания с кем-либо ещё общаться. Довольно! На год вперёд наобщался!

Запрыгнул в свободную пролётку, толкнул в спину извозчика: «Пошёл!»

Хлопнули по лошадиному крупу вожжи, зацокали по булыжнику кованые копыта... Откинулся на потёртую кожаную спинку сиденья, опустил пониже, сделал вид, что не услышал за спиной торопливого оклика поручика Свирского. Опоздал адъютант Джунковского, не успел меня перехватить! Говорю же, всё на сегодня. Выбран лимит общения! А вот завтра пусть меня ищут, вызывают. Глядишь, и поговорим с генералом... На свежую голову...

Глава 5

– Ты почему так рано уехал? – постучался в дверь моей комнаты Игорь. Всего-то часа два – два с половиной минуло после моего поспешного отъезда (это чтобы не сказать большего, например, бегства) из ресторана, только-только с прогулки вернулся, расслабился и на тебе. – Остроумовы весьма сокрушались по этому поводу. Пришлось мне за тебя извиняться.

– И как? Успешно? – пришлось встать с кресла и отложить в сторону газету. Ну и поморщиться, не без этого, от разошедшегося по комнате острого алкогольного запаха. И это от двух бокалов шампанского-то?

– Смейся, смейся... Мог бы и предупредить. Вместе бы и уехали. А так пришлось за двоих отдуваться. Конечно, не моё это дело, но после твоего внезапного ухода Елизавета Сергеевна заметно взволновалась... Всё через маменьку старалась выведать у меня: и где же это мой разлюбезный друг умудрился такие страшные раны заполучить? Даже на кавалеров никакого внимания не обращала...

– А зачем на них внимание обращать? И почему это сразу «бегства»? – не удержался я от вопросов и повёлся на эту явную провокацию. Да ещё весьма и весьма заинтересовал меня в этот момент такой факт: с чего бы это Игорь ни с того ни с сего про дочку генерала заговорил? Вроде бы я ему

никакого повода подозревать что-то подобное не давал... И вообще, ведь правильно же сказал, не его это дело.

– Впрочем, зря она так, – Посмотрел я на несколько растерявшегося товарища, продолжил скучным равнодушным голосом: – Девушка молодая, симпатичная, с положением, опять же. Ей кавалеры по возрасту и статусу положены.

– Хочешь сказать, что тебе всё равно? – явно удивился Сикорский.

– Игорь, остынь! – осадил разошедшегося товарища взглядом. (Это личное и другим, даже друзьям, ни к чему сюда лезть!) Казалось бы! Это я так подумал, что осадил. Наивный! Похоже, товарищ решил активно поучаствовать в обустройстве моего личного счастья... Интересно, кто же ему такую мысль в голову вложил? Но уж коли осадить товарища не получается, то остаётся только сглаживать углы. – Да, ты прав... Мне совершенно всё равно!

– Ну и... Твоё дело! Но хочу тебе заметить, не один я ваш взаимный друг к другу интерес заметил... – махнул Сикорский рукой, покачался на ногах с пятки на носок, нашёл взглядом соседнее с моим кресло, добрался до него в три шага и просто упал в его кожаные объятия. Рухнул. Потёр ладонью лоб, пожаловался: – Ох! Как я устал... Та рюмка шутовского на выпитое ранее шампанское явно для меня оказалась лишней.

– Какой такой интерес? Это ты о чём сейчас? – вот ведь, выпивший-то он выпивший, а логики в своих рассуждениях

не потерял и в вопросах не сбивается...

К счастью, разговор этот никакого дальнейшего продолжения не получил. В дверь постучались тихонько.

Ну поскольку я так на ногах и находился, а до дверей всего-то несколько шагов сделать, поэтому ничего говорить не стал, а просто пошёл и распахнул створку.

Слава богу! Я-то ожидал самого худшего! Например, посыльных Джунковского или ещё кого повыше и поважнее, а это оказалась моя спасительница от чрезмерно разговорившегося товарища. Супруга Сикорского собственной персоной. Извинилась за беспокойство, потянула за собой мужа, заставила его выбраться из кресла и, извинившись ещё раз, утянула его в коридор.

Уже за закрытыми дверями начала ему негромко выговаривать за неподобающее поведение, в ответ что-то забубнил Игорь, голоса быстро отдалились и затихли.

Нужно было всё-таки по приезду не поддаваться на уговоры погостить, а сразу в гостиницу ехать. А теперь и съезжать неудобно.

А я ещё раз прокрутил в голове только что услышанное. Неужели и впрямь кто-то что-то сумел заметить? Это, на самом деле, не есть хорошо. Ладно я, с меня как с гуся вода. А вот репутация девушки может пострадать, если по столице начнут гулять подобные слухи. Хотя это вряд ли. Что там Игорь про кавалеров-то говорил? Отбоя от них не было? Так что за слухи переживать не стоит! Как и за репутацию де-

вушки. И без меня хватает тех, кто должен беспокоиться по такому поводу...

Подошёл к зеркалу, глянул на своё собственное отражение... Да, далеко не красавец... Если на седину ещё можно внимания не обращать, то шрамы, изуродовавшие щёку, так взгляд и притягивают! Чужой жалости мне только не хватало!

Всё, довольно паяться! Решил же недавно, что хватит! Только небо, только самолёты! И война...

И я отвернулся от зеркала, отошёл и постарался выкинуть из головы все посторонние мысли. Правда, сначала всё-таки разобрался, что же меня так зацепило? Неужели выказанное столь явное пренебрежение? Или это мне только показалось? Да, скорее всего, именно это. Жаль. Жаль, что то, что не успело начаться, вот таким вот образом и закончилось... И сразу стало легче на душе, стоило только определиться и поставить окончательную точку в своих выводах.

Плюхнулся в кресло, подхватил газету. Мысли ещё какое-то время пытались вернуться к недавней теме, но я успешно заставлял их анализировать текст прочитанных заметок и статей, вспоминал сегодняшний полёт.

Так и переключился потихоньку. А там стало проще. И спать я уже лёг с мыслями о завтрашнем дне, прочь отбросив всякие романтические бредни. И спал, кстати, как младенец. Слишком много было сегодня переживаний и волнений. В результате наложилось одно на другое, ноль в итоге

и получился.

Утром за завтраком с удовольствием увидел слегка помятое лицо Игоря, выслушал от него сбивчивые извинения за вчерашнее поведение:

– Вчера я, кажется, позволил себе лишнее?

– Позволил, – нахмурился в ответ. А что? Почему бы и не отыграться за свои вчерашние переживания? И ведь на самом деле позволил, разбредил душу, полез туда, куда его не просили. Да ещё и на нетрезвую голову...

– Прошу прощения, – чопорно поклонился Сикорский. И это над столом-то! Над тарелками! Как ещё носом не макнул...

Вот зуб даю, это супруга его постаралась. Но простил, куда же я денусь. Надеюсь, в будущем подобного себе не позволит. И тут же хмыкнул про себя: «Если, конечно, “Шустовский” на шампанское не ляжет...» А вот дальше застольная беседа пошла по интересному руслу...

– Кстати, его высокопревосходительство... – Игорь прервался, заметив мою лёгкую гримасу. (Не дай бог, снова намеревается мне настроение испортить продолжением вчерашнего разговора!) И поспешил уточнить: – Владимир Фёдорович Джунковский... Настойчиво рекомендовал нам обоим прибыть сегодня во второй половине дня к нему на приём...

И многозначительно так покосился на наострившую ушки супругу. Понятно, больше ничего интересного на эту те-

му я от него не услышу. Но и супруга у Игоря далеко не простая барышня с улицы. Прекрасно поняла многозначительные гримасы мужа, покосилась на него, чуть улыбнулась и завершила завтрак. Сослалась на неотложные дела по хозяйству и откланялась, отослав предварительно прочь прислугу, – оставила нас одних в столовой. На удивление, Сикорский не стал сразу рассказывать подробности приглашения, а тихонечко встал, прошёл на цыпочках к двери, приник ухом к филёнке, прислушался. Похоже, ничего крамольного за дверью не услышал, так как уже более свободно и расслабленно вернулся назад, за стол. Но всё равно стул переставил чуть ближе к моему. Интере-есно... Ну и мне пришлось проделать то же самое. Со стулом, имею в виду.

– Так уж вышло, что я немного в курсе предполагаемой темы нашей сегодняшней встречи, – не удовлетворился Игорь тишиной за дверью и наклонился ко мне как можно ближе. Почти губами к уху прижался. Тайна мадридского двора, право слово! – Ты же знаешь, что в Германии революция? Не до войны им сейчас. Кайзер за власть цепляется всеми силами, хочет мира, а наши союзники упёрлись. Николай собирается разорвать союзнические обязательства и отказаться от участия в войне. Ох, что будет...

– А ничего не будет. Утрутся. Если Николай действительно примет такое решение, то всё правильно сделает. У России только два верных союзника, это собственная армия и флот! Помнишь любимую фразу его отца – Александра

Третьего? То-то... Только я пока не понимаю, я-то тут при чём? – Нет, кое-какие догадки в свете услышанного у меня сразу же нарисовались. Но это всего лишь догадки, их к делу не пришьёшь...

– И ты при чём, и я с тобой вместе. Предполагаю, что Владимир Фёдорович на сегодняшней встрече выдаст предварительные инструкции на предстоящую нам с тобой задачу.

Тут я не выдержал и отстранился. Ну, во-первых, щекотно уху. А, во-вторых, всё-таки подобные вещи дома лучше не обсуждать. Если, конечно, всё так и обстоит на самом-то деле. Так и ответил. И тоже тихонько, не повышая голоса.

– Ладно, согласен. Это у меня ещё вчерашнее шампанское в голове играет, – не стал настаивать на продолжении разговора Игорь. – Так что? Собираемся?

– Куда в такую рань? Ты на часы-то глянь.

– Как куда? На аэродром. А я разве не предупреждал? Будешь осваивать до обеда новый самолёт. Возможно, и небольшой кружок вокруг аэродрома сделать успеешь. Так что собирайся, собирайся, если на самом деле полетать хочешь.

– Погоди, – и пояснил в ответ на встречный удивлённый взгляд. – Да я-то уже собран... Объясни, с чего вдруг такая спешка?

– Вот после обеда его высокопревосходительство всё тебе и объяснит. Ты что? Так и будешь сидеть? Что ж, можем никуда и не ездить, мне сейчас и дома хорошо будет.

Шампанское у него играет, как же. Придумал себе оправдание... Похоже, там ведро этого шампанского было выпито или далеко не одно только шампанское...

– Поехали! – поднялся с кресла и шагнул к дверям. Оглянулся. – Я готов, теперь приходится тебя ждать!

Выехали мы минут через пятнадцать. Пока мой товарищ переоделся, пока с женой попрощался, пока машину прогрели, время и пролетело. А на аэродроме я его, это время-то, совсем не замечал. Сикорский караул от самолёта не отпустил, наоборот, приказал служивым бдить в оба и никого даже близко к стоянке не подпускать.

– Не хочу, чтобы нас попусту беспокоили, – объяснил мне. – Срочного всё равно ничего быть не может, а с несрочным и сами должны разобраться...

Так до полудня и просидели втроём в самолёте. Нас двое и бортинженер за компанию. Сначала подробно рассказывали мне по очереди о самолёте, потом на мои вопросы отвечали. Ну и показывали на месте, что и как.

С тросами я угадал. Будем на днях пробовать воздушное десантирование. Запустили попутно и прогрели моторы. После полудня же расселись по рабочим местам и порулили на взлёт. На этот раз я занял командирскую левую чашку, а Сикорский правую. И в этом полёте Игорь до управления вообще не дотрагивался.

Взлетел, выполнил левую большую коробочку. Рутинка. Сели, зарулили, заглушили моторы и разобрали сам полёт.

В общем-то, и разбирать нечего было. Полёт по кругу простой, отработанный до автоматизма. Руки сами делают привычную работу. Да и машина в управлении практически ничем не отличается от знакомого мне «Муромца».

Обедали на этот раз дома. Не стали шиковать и повторять вчерашнюю ошибку. Мало ли кто ещё в ресторане встретиться может? И к Владимиру Фёдоровичу поехали не сразу. Послеобеденный отдых – это святое. Правда, отдых этот свёлся у нас к очередному разговору о предполагаемых возможностях новой машины. А там и время подошло для поездки.

Ну и поехали по уже знакомому адресу. Представились на входе, отметились в журнале, поднялись наверх. Рабочий кабинет точно тот же, что и раньше. Адъютант в приёмной нас узнал и сразу же доложил шефу. И секунды после доклада ждать не пришлось, тут же в двери кабинета пройти пригласили. Воистину разговор нам предстоит серьёзный. Иначе бы генерал нас наверняка как в прошлый раз на квартире принял.

– Куда же вы так вчера торопились, Сергей Викторович? И ведь даже не попрощались, – первым делом после обоюдных приветствий поинтересовался Джунковский.

И этот туда же! Отвечать ничего не стал, да и не обязан я по этому вопросу перед кем-то отчитываться. Начало разговора-то никак не похоже на допрос, и, тем более, явно Владимир Фёдорович этой фразой приглашает нас к неформальной беседе. Да и не вяжется с давними рекомендациями вче-

раннее поведение моих старших... А кого именно? Начальников? Товарищей? Кого? А не знаю! Так что лучше я промолчу. Но как-то реагировать на вопрос нужно, иначе некрасиво может получиться. Поэтому соорудил такую непонятную гримасу, дёрнул уголком рта. Мол, понимаете, как хотите. И, похоже, этот мой ответ генерала вполне устроил.

– Присаживайтесь, Сергей Викторович, Игорь Иванович, – Джунковский подождал, пока мы рассядемся на предложенных нам стульях и продолжил: – Предлагаю отойти от официального тона. Так и мне будет проще, да и вам тоже.

Вслед за нашими согласными кивками кивнул головой сам.

– Дело же вот в чём, Сергей Викторович. Вчера, насколько я знаю, Игорь Иванович ознакомил вас с новым аппаратом. И даже в небо вы вдвоём успели на нём подняться. Сегодня до полудня вы всё время провели на аэродроме. И снова летали. Понимаю, что ознакомиться с новой машиной так как должно вы не успели, но всё-таки... Каковы ваши первые о ней впечатления?

И вот тут я задумался. Ну никак не ожидал, что разговор вот так сразу повернёт именно в эту сторону. Почему-то в первую очередь предполагал услышать вопросы о моём многомесячном отсутствии и предшествующих ему причинах, в конце концов, о разьяснении столь срочного вызова в столицу! А тут с моего вчерашнего ухода разговор начался... И сразу на самолёты перескочил... Стоп! Что-то я всё в од-

ну кучу смешал. Ну при чём тут моё вчерашнее поведение? Я, вообще, где и у кого на приёме нахожусь? Первый вопрос был наверняка задан лишь для того, чтобы с нас понятную настороженность сбить. Психолог! Но сработало же? То-то... Пора бы и мне мозги включить! Ла-адно. И я собрался, отбросил всё личное и лишнее. Думай, голова, прежде чем рот раскрывать. Думай!

Не просто же так подобные вопросы задаёт вот такой человек? Значит, это действительно важно... Поэтому сосредоточиваемся, вспоминаем мои вчерашние ощущения и впечатления от полёта, суммируем их с сегодняшними и коротко докладываем, формулируем краткие выводы. Основные. Если нужно, Владимир Фёдорович обязательно спросит и уточнит. И ещё одно... Очень интересно, почему этот вопрос мне задают, а не конструктору и главному испытателю своей машины?

– Отличный самолёт, ваше высокопревосходительство, – официальный разговор или неофициальный, а лучше пока всё-таки так обращаться к хозяину кабинета. Похоже, настолько краткий ответ генерала не устроил. Потому как он явно ждёт продолжения и внимательно так на меня смотрит. Выжидающе...

Что ж, тогда продолжим, чуть развернём свой ответ. Но с умом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.